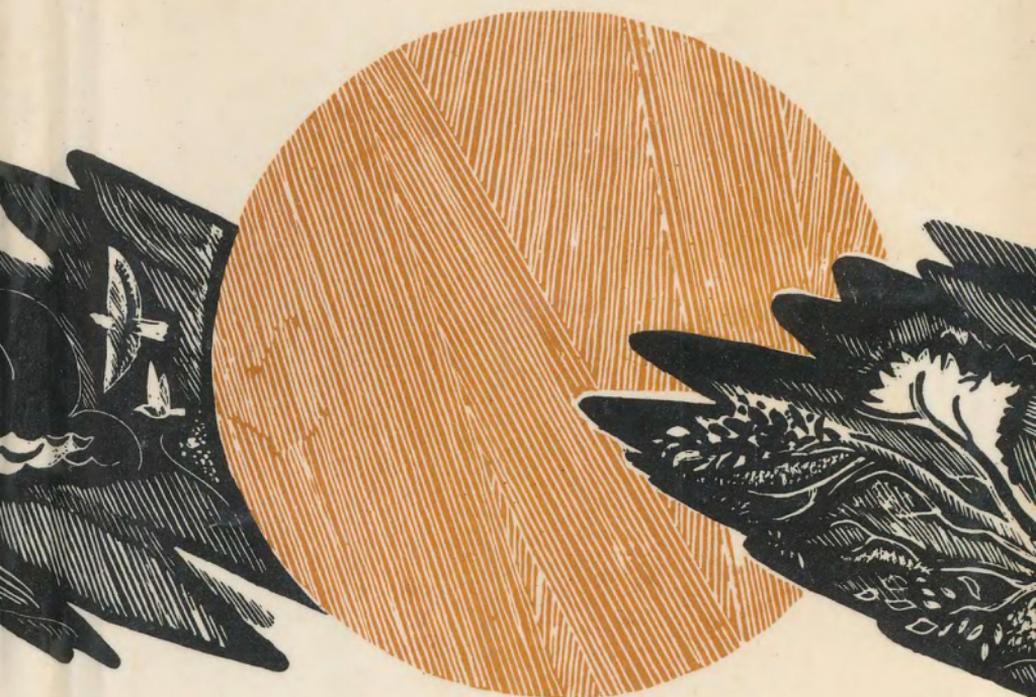

НОВЕЛЛА
МАТВЕЕВА

НЕРАСТОРЖИМЫЙ
КРУГ

НОВЕЛЛА
МАТВЕЕВА

НЕРАСТОРЖИМЫЙ
КРУГ

КНИГА СТИХОВ

Москва
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1991

P2
M33

Художник Ю. С. Пожарская

Матвеева Н. Н.

M33   **Нерасторжимый круг: Книга стихов.—**
М.: Сов. Россия, 1991.—160 с., 1 л. портр.

Творчество Новеллы Матвеевой хорошо знакомо любителям поэзии. В разные годы ею выпущено более десятка стихотворных сборников. В настоящую книгу «Нерасторжимый круг» вошли лучшие произведения поэта. Для Н. Матвеевой «нерасторжимый» — крайнее напряжение труда и легкое дыхание естественности, нерасторжимо гражданственное и природное, лирическое и социальное, песенность и драматизм.

P2

M 4702010202—010 170—90
M-105(03)91

ISBN5-268-01092-1

© Издательство «Советская Россия», состав. 1991 г.

*ПОЭТУ
ИВАНУ КИУРУ*

КОСМОНАВТ

Памяти Юрия Алексеевича Гагарина

На бриге, рожденном из дыма и грома,
Не он ли к Луне улетал с космодрома?
Но взгляд, где остался огонь метеоров,
Чуждается вспышек в руках репортеров.

— Скажите, нельзя ли в блаженном порыве
Комету, как лошадь, похлопать по гриве?—
Но летчик молчит, предоставив поэту
Восторженную снисходительность эту.

Хотя — космонавтики раннею ранью —
И вправду он был за неведомой гранью,
Ему, молчаливому, кажется странным
Так часто докладывать о несказанном.

* * *

В тиши весенней,
В тиши вечерней
Вблизи от прерий,
Вдали от гор
Стояла ферма.
Стояла ферма,
А возле фермы
Пылал костер.

В котле широко
Кипело что-то,
А рядом
Кто-то
Сидел — мечтал...
Котел кипящий —
Огонь шумящий
Ему о чем-то
Напоминал.

Вот ночь настала —
Костра не стало;
Последний уголь
Погас,
Погас...
А тот, сидящий,
В огонь смотрящий,—
Он тоже скрылся,
Скрылся
Из глаз...

И мы не знаем,
Ах, мы не знаем:
Был или не был
Он на земле,

**Что в тихом сердце
его**

**Творилось
И что варилось
В его котле.**

ДЕВУШКА ИЗ ХАРЧЕВНИ

Любви моей ты боялся зря,—
Не так я страшно люблю!
Мне было довольно
видеть тебя,
Встречать улыбку твою.

И если ты уходил к другой
Или просто был неизвестно где,
Мне было довольно того, что твой
Плащ
Висел на гвозде.

Когда же, наш мимолетный гость,
Ты умчался, новой судьбы ища,
Мне было довольно того, что гвоздь
Остался
После плаща.

Течение дней, шелестенье лет,—
Туман,
Ветер и дождь...
А в доме событие — страшнее нет:
Из стенки вырвали гвоздь!

Туман, и ветер, и шум дождя...
Течение дней, шелестенье лет...
Мне было довольно, что от гвоздя
Остался маленький след.

Когда же и след от гвоздя исчез
Под кистью старого маляра,—
Мне было довольно того, что след
Гвоздя
Был виден — вчера.

ПОДВИГ ПТИЦ

По грачам,
По угольному блеску
Зимних галок — я весну узнала;
Новая волна лесного света
Перья галок отполировала.
    В старом прерывающемся хмеле
    Замелькали — серы, чуть лиловые,—
    Понеслись по воздуху, запели
    Соловьи, дрозды и реполовы.

Сколько птицам разных притеснений!
Но, как свет, движенья их свободны.
Сколько бед, забот и тревожлений!
Но, как сон, их песни беззаботны.
    Оттого ли, что любой ценою
    Избегают Севера пичуги?
    Если видят Север, то весною.
    Если зиму видят, то — на Юге...

Есть неизъяснимая отрада
В том, как, путешественники света,
Видят птицы только то, что надо:
Лето да весну. Весну да лето.
    Не страшась ни океанов грозных,
    Ни пустынь сухих,— они всегда ведь
    Из обрывков весен кратких, розных
    Вечную весну хотят составить!

Как ткачи из ветхих пестрых нитей,
Вы тепло, о птицы, ткете сами.
Зябко ж вам, пока соедините
Нить Гаити с нитью в Амстердаме!
    Краем, краем, хлопья задевая,
    Но минуя их любой ценою,

Ткете май, в одно кольцо свивая
Благость Юга с северной весной...

Всяк — зимует. Полземли пасует

Перед стужи идолом поганым.

Только птицы — всюду за весной,

Как толпа детей за балаганом...

Но к стеклу промерзлomu прижаться,

Но застыть в морозов царстве мнимом

Им бы легче было,

Чем держаться

В круге лета неразъединимом.

ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕК

Душистый Горошек...

Окрошкой двory

за Горошком Душистым горят:

Белья на веревках цветенье сырое — жасмин,
колокольчик, салат...

От солнца и ветра, от дымки лучей

по корявости утренних стен

Оливковый вдруг пробегает пушок,— ну как будто
писал их Шарден!

Душистый Горошек... Невидимых кошек прозрачные ушки
в огне:

У «кошкиных ушек» (как мыши у кошек!) Мышиный
Горошек в цене.

Да вот и Мышиный: зацепит вершиной за грабли
и рвется, треща,

Как волос, под зубьями гребня искрящийся, как рвущийся
ворот плаща...

Душистый Горошек! Дешевая роскошь! Весны
королевич босой!

Цветущая иллюминация плошек, сияющих только
росой;

Таинственный, вещий, нахмуренный бархат

Тех курток и воротников,

Который так гордо (но впроголодь) носят

Художники многих веков...

Душистый Горошек в улиткиных рожках...

Еще не упрочился зной,—

Так что же стрекочет Мышиный Горошек, как волосы
перед грозой?

И мнится: в беретах,

в потертых вельветах,

с единой морщиною лба,

Шумя, надвигается к нам с горизонта художников
вольных толпа...

Дыханьем себя обнаружила плесень,

Пахнуло испуганно мхом...

Душистый Горошек — веселый Гаврошик!— сидит
на заборе верхом,

Кричит петухом, рассыпая остроты и черствую корку
жуя,

Да так, что, собрав лепестки к переносью, дрожит
георгин-буржуа.

Душистый Горошек — из племени Крошек,— бедняк,
постреленок, гамен,

Хочет, из пальчиков делает рожки при свете
оливковых стен,

Кричит петухом, и мяучит котом, и старинную корку
грызет...

А толпы художников

бархатом курток уже облекли горизонт.

Я жду их!

Ужели пройдут стороною

Художники?

Жду их давно!

Слежу, как за рощею кисти ломают, как на небе
рвут полотно,

Как спорят про цвет лепестков унесенных...

(Любое художество — бой,

Читай: не бывает громов унисонных и молний,
согласных с тобой.)

И вновь прозорливое небо раскрылось, метнув
испытующий свет

На пух, поваливший с ветвей тополиных, на бархатцев
мокрый вельвет...

О громе шагов,

О дороге,

О школе

Художников я говорю:

Продрогшие в поле,

Рожденные в споре —

Придут,— не обманут зарю!

ГИМН ПЕРЦУ

Раскаленного перца стручок,
Щедрой почвы ликующий крик,
Ты, наверное, землю прожег,
Из которой чертенком возник.

Страны солнца, взлелеяв тебя,
Проперчились до самых границ,
Пуще пороха сыплют тебя
Там из перечниц-пороховниц.

Орден кухни,
Герб кладовых,
Южных блюд огнедышащий флаг —
Ты на полках,
На пестрых столах,
В пыльных лавках —
Особенно в них.

И представишь ли темный навес,
Где серьгою трясет продавец,
Коли там не висят у дверей
Связки перца, как связки ключей
От запальчивых южных сердец?

Я хвалю тебя! Ты молодец!
Ты садишься на все корабли,
Ты по радужной карте земли
Расползаешься дымным пятном;
Ты проходишь, как радостный гном,
По извилистым теплым путям,
Сдвинув на ухо свой колпачок.
И на север являешься к нам,
Раскаленно-пунцовый стручок.
И с тобою врывается юг
В наши ветры и в наши дожди...

Просим!
Милости просим, мой друг,
В наши перечницы!
Входи!

**Правда, мы — порожденье зимы,
Но от острого рта не кривим,
А при случае сможем и мы
Всыпать перцу себе и другим.**

**Разве даром в полях января
Пахнет перцем российский мороз?!
Разве шутка российская
зря
Пуще перца доводит до слез?!
...Славию перец!—
В зерне и в пылице.
Всякий: черный — в багряном борще
(Как бесенок в багряном плаще),
Красно-огненный — в красном словце.**

**Славию перец!
Во всем, вообще!
Да; повсюду,
Во всем,
Вообще!**

РОССИЯ

К России все подходят разно: кто робея,
Кто любопытствуя: мол, дескать, вот она,
Анекдотическая даль... Гиперборея!
Страна величественных вихрей! Царство сна.

Кто до себя поднять (простак!) Россию хочет,
Кто, ей безбожно лъстя, иронию таит,
Кто беды ей несет (и сам же их пророчит!),
Кто покровительственно с нею говорит,

Кто — напрягая лоб, кто — в духе скверной шутки,
Кто — как с пастушкой, нежно дующей в свирель,
Кто — как с пророчицей, помешанной в рассудке,
Кто — как с царицею, кто — как с рабой своей.

К ней пожинать плоды снисходят Христа ради,
Устроить гений свой, свой бизнес, петь, порхать...
Но редкому придет простая мысль... пахать
На земледельчества неслыханной громаде!
(Покличь сердешного, его и не слышать!)

Так, стало быть, он гость? Тогда... какого сорта
Цель высмотрел пострел в столь бедственном краю?
Послушай, это мысль!— Ты узнаешь Лефорта?
Нет. Я его не узнаю.

Лефорт — Кот в сапогах. Маркизу Карабасу
Несущий к Рождеству игрушек ярких массу.
Метуший, кланяясь, пером нашляпным пол...
А этот не привнес, как говорит проверка,
В морозный зимний мрак ни искры фейерверка
И перышком в сенцах ни разу не подмел.

Не внес ведь ни-че-го!
Ни в избу крошки ситной,
Ни новой черточки в Руси вид самобытный.
Так, может быть, хоть гнев? Быть может, разъярясь
На нашу «нищету, невежественность, грязь»,
Хоть дверью хлопнул бы, и вспыльчив и не мирен,
Негодованием высоким трепеща?
Но... слитком золота изрядным оттопырен —
Как раз при выходе — был край его плаща!

Вот наши судьи кто!
Вот наши кто эзопы!
Их рвенье — в грязь втоптать Руси стези
и тропы,
Ее Историю навыворот прочесть,
С насмешкой приписать ей славу всей Европы,
Чтоб тем ловчей отнять ту, что и вправду есть!
А есть немалая!
Свой — богатырский, детский,
Благочестивый жар, свой гений есть у ней!
Что толку ей лубок приписывать немецкий
И псевдоавторство над лавкой мелочей?

Прочь, лесь безмерная!
Прочь, преувеличенье
Вещей, действительно имеющих значенье!
Льстец мало что лукав,
Льстец — нагл! За ним разбой и превышенье прав.
Нагл баснословный царь, велевший море высечь,
Но тот наглей, кто льстит волнам; кто осмеять
Их тщится... И мудрит, стремясь преувеличить
То, что и так нельзя объять.

СОН

Мне снилось: мир притих и ждет конца.
Многое менялось перед смертью:
Стремительно меняло цвет лица
И торопливо обростало шерстью.

«Быть иль не быть?» — вопрос решен.
И я увидела, как некто
В единый миг
Был начисто лишен
Былых тысячелетий интеллекта.

«Жить!— он кричал.— Скорей, скорей, скорей!
Жить для себя и жизнь хватать за глотку!»
А в желтых лужах высохших морей
Прятели дохлестывали водку

И всяко развлекались: тот просил
В долг (перед смертью!) рубль; тот плакал
зло и звонко...

И кто-то, пробегая, откусил
Пол-ляжки от живого поросенка,

И кто-то в исступленье проорал,
Что был издевкой неба купол синий,
И, как рабыню, в карты проиграл
Ту, что вчера со страхом звал богиней.

О страшный суд!
Неужто ни души
Бессмертной так и не было на свете?!

Но что я вижу!
Книги,
Чертежи,

Мотыги,
Статуи,
Рыбачьи сети...

Здесь каждый что-то строил,
Пел,
Лепил,
А мглы нависшей
Как бы и не видел:
Кто прежде ненавидел и любил,
Тот и теперь любил и ненавидел.

И между тем, как, ползая у ног,
Собаки жались к маленьким каюрам,
Художник
На последний свой мазок
Поглядывал с критическим прищуром.

И шел поэт, спокойный, как ковчег
Над всплесками библейского потопа,
И телескоп смотрел, как человек,
И человек стоял у телескопа.

Как светятся два глаза!
Как приник
Он к блеску звезд, сочувственно дрожащих!
Как счастлив!— Хоть не станет через миг
Ни глаз, ни звезд, глазам принадлежащих.

И в страшный час, когда из
Подлеца,
Как залп из жерла, хлынул крик развязки,
И вылезло лицо из-под
Лица,
И выпрыгнула маска из-под
Маски,—

**Вбежал какой-то хрупкий человек,
Стал посреди всего земного шара,
С лицом усталым, как весенний снег,
Подтаявший от близости пожара.**

**«Нашел!— Он крикнул.— Эврика!—
как брат,**

**Раскрыв народам быстрые объятия —
Я знал, я знал, что входит в яд и в ад
Противоядь и противоядь!
Не будет взрыва!
Атомы за нас!
Я усмирил веществ восставших смуту!
Я сделал все. И завершил — сейчас.
Да — в этот миг,
В предсмертную минуту».**

НЕРАСТОРЖИМЫЙ КРУГ

**Исполненная гнева и печали,
Поэзия не базис, а надстройка:
Она голодным хлеба не устроит.**

**Но если, от поэзии подале,
Назад, к пещерам мы припустим бойко,
То нас и хлебом потчевать не стоит.**

ДОЖДЯ ТАК И НЕ БЫЛО...

**День,
С утра подточенный,
В тучи взятый заживо.
Душное пустынное тепло.**

**Бабочку, что только что
По цветам зигзажила,
Вдруг
Косым порывом унесло.
Заспешило облако,
Что стояло льдиною
С белым человеком на борту...**

**Странно-обоснованно
Вдруг пахнуло тиной
От кустов акации в цвету.**

**Шорох...
Между ветками
Быстро вдруг просунется
Профиль ветра,
Бледный и резной...
Радостные запахи
В воздухе тасуются;
Лето состязается с весной.**

**Хоть весна прошла уже,
Хоть перед верандою
Пухом, пылью, сухостью метет,
Где-то там, над омугом,
Тайно, контрабандою,
Все еще черемуха цветет.**

Где-то память о весне
Капельками нижется,
Где-то предгрозово и темно...

А пчела не прячется:
Неподвижно движется
Над жасмином, как веретено...
Мгла идет шеренгами.
И учусь у лета я,
Как теням на пятки наступать...
Теневую линию
По траве преследуя,
Солнце разрастается опять...
Что ж вы, тучи, медлите?
Нуте-ка! Давайте-ка!
Сумрак нежен... Холод мне смешон...

Снится мне приветливый,
Полный одуванчиков,
Долгий,
Летний
Сон.

ЦЫГАНКА

Развеселые цыгане по Молдавии гуляли
И в одном селе богатом ворона коня украли.
А еще они украли молодую молдаванку:
Посадили на полянку, воспитали как цыганку.

Навсегда она пропала
Под тенью загара!
У нее в руках гитара,
Гитара,
Гитара!

Позабыла все, что было,
И не видит в том потери.

(Ах, вернись,
Вернись,
Вернись!

Ну, оглянись, по крайней мере!)

Мыла в речке босы ноги, в пыльный бубен
била звонко.

И однажды из берлоги утащила медвежонка,
Посадила на поляну, воспитала как цыгана;
Научила бить баклушки, красть игрушки,
из кармана

С той поры про маму, папу
Забыл медвежонок:
Прижимает к сердцу лапу
И просит деньжонок!

Держит шляпу вниз тульею...

Так живут одной семьею,

Как хорошие соседи,

Люди, кони и медведи.

По дороге позабыли: кто украд, а кто украден.

И одна попона пыли на коне и конокраде.

Никому из них не страшен никакой недуг,
ни хворость...

По ночам поют и пляшут, на костры бросая хворост.

**А беглянка добрым людям
Проходим
Ворóжит:
Все, что было, все, что будет,
Расскажет,
Как может...**

**Что же с ней, беглянкой, было?
Что же с ней, цыганкой, будет?
Все, что было,— позабыла.
Все, что будет,— позабудет.**

КРУЖАТСЯ ЛИСТЬЯ...

Кружатся листья,
кружатся в лад снежинки.
Осень пришла,— темно и светло в лесах.
Светятся в листьях розовые прожилки,
Словно в бессонных
и утомленных глазах.

Летнюю книгу эти глаза читали,
Мелкого шрифта вынести не смогли
И различать во мгле предвечерней стали
Только большие — главные вещи земли.

Прносятся кругом цветные листы
над садом;
Глаза их прозрели,
да только прозрели для тьмы.
Вьются снежинки,
кружатся листья рядом,
Реют,
Верят
В пылкую дружбу зимы!

Падают листья липы, дубов и клена...
Звездочки снега сыплются с высоты...
Если бы знать: насколько зимой стесненно
Или свободно лягут под снегом листы?
Если бы знать: какие им сны
приснятся?
Что нам готовит их потаенный слой?
Что им сподручней: сверху снегов
остаться
Или под снегом скрыться,
как жар под золой?

Танцуйте, танцуйте!
С холодным снежком
кружитесь,
Покуда снежинки так запросто с вами
летят!

Только до срока
Под ноги не ложитесь,
Чтобы
Не скрыла
Вьюга ваш яркий наряд!

Танцуйте, танцуйте!
Ведь это последний
танец!
Кружитесь, кружитесь,
Ведь время,
время не ждет!

**Что не ходил к матросу в рубку,
Не курил на юте трубку,
Не мелькал в хитрой мгле за кормой...**

**Корабельный домовой,
Ах, подай нам голос твой!
Ау! Ау!
Ай-ай-ай!
Ой-ой-ой!**

**Загляни к матросу в рубку!
Закури на юте трубку!
Рукавичкой махни меховой!..**

**Волны пенные кипят,
И шпангоуты скрипят,
И у штурвала грустит рулевой.**

Дерево, и камень, и железо
Перед ливнем пахнут перевозданно.
Вижу издали: малютки лодки лезут
На зеленый купол океана.

С океаном в кошки-мышки
рыбаки играют,
Но едва сверкнет крылом
предвестник бури —
Дерзкий альбатрос — и лодки удирают
Вслед за клочьями испуганной лазури.

А на берегу рыбачки тихо напевают —
Пробуют зачаровать ненастье.
И к рыбацким курткам грубым
тайно пришивают
Рыбьи позвонки
и крестики на счастье.

И поют рыбачки: «Тихо ветер веет,
Но равнину водную не взроет;
Пусть домчатся наши лодки
к берегу успеют
До того, как туча их накроет.

Пусть в лазури мягкоперой блещет
солнце юга,
Долго не уходит с небосвода!
Пусть Морской Конек проскачет сто четыре круга
Перед бурей, до ее прихода!»

Песни их — как двери, прикрытые плохо
На ветру морей беспрерывном;
Песни их так свежи, как зонтик укропа
И как запах цветов перед ливнем!

КАКОЙ БОЛЬШОЙ ВЕТЕР!

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домишек сдул крыши,
Как с молока — пену,
    И если гвоздь к дому
    Пригнать концом острым,
    Без молотка, сразу,
    Он сам войдет в стену.

Сломал ветлу ветер,
В саду сровнял гряды —
Аж корешок редьки
Из почвы сам вылез
    И, подкатясь боком
    К соседнему саду,
    В чужую врос грядку
    И снова там вырос.

А шквал унес в море
Десятка два шляпок,
А рыбакам — горе,—
Не раскурить трубок,
    А раскурить надо,
    Да вот зажечь спичку —
    Как на лету взглядом
    Остановить птичку.

Какой большой ветер!
Ох! Какой вихорь!
А ты глядишь нежно,
А ты сидишь тихо,
    И никакой силой
Тебя нельзя стронуть:

Скорей Нептун слезет
Со своего трона.

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домов сорвал крыши,
Как с молока — пену...

И если гвоздь к дому
Пригнать концом острым,
Без молотка, сразу,
Он сам войдет в стену.

* * *

Не серая стая сов
Повыше кустов,
Пониже деревьев летит,—
То серые волны свои
Река
В рассветное море
катит.

В камне,
В суровой оправе гор
Дорога ее темна,
Но в одни и те же минуты
придет
К заре и к морю она.

Река,
Бегущая к морю,
Позволь тебя удержать!
Позволь
До самого моря
Всю ночь тебя провожать!
Дозволь
Отраженным звездам дрожать,
Река, на глади твоей,
С плеском утешным волны твоей
Дай мысли перемешать...

И в стороны отвлеченья
И мелочности позор
Могущественное течение
Сносит, как ветхий сор...

Река, идущая к морю,
О, дай твой мотив уловить;

ЛАСТОЧКИНА ШКОЛА

Ударила опера громом
Над миром притихшим и серым,
Над племенем, с ней незнакомым.
Но первым запел менестрель.

Но первая песня — за нищим,
Но первая — за гондольером,
За бледной швеей,
За старухой,
Качающей колыбель.

Журчит — пробивается к свету,
Сочится из каменной чаши...
Бежит — прорывается к свету,
То руслом пойдет,
То вразброс...
Поэмы — аббатства большие,
Романы — империи наши,
Симфония — царство мечтаний,
А песня — республика грез.

Как синее небо, простая,
Над синими
Льнами.
Как синее небо, простая,
Народная...

(Даром что царь
Давид запевал ее встарь!)

Она подымается к солнцу,
Как жаворонок над нами,
А к ночи спускается в море,
Как тонущий нежный янтарь.

Как синее небо смиренна,
Проста и смиренна.

Как синее небо смиренна,
Как небо горда...

Ее распевает извозчик,
Погонщик поет вдохновенно...
Но жуткая тишь на запятках:
Лакей не поет никогда.

...Не нам шлифовать самоцветы.
(И думать-то бросим!)
Не нам шлифовать самоцветы
И медные вещи ковать:
Ремесла сначала изучим. Но песню,—
Но песню споем — и не спросим;
Нас ласточка петь научила,
И полно о том толковать!

Напрасно сухарь-мейстерзингер
Грозит нам из старых развалин,
Напрасно
Перстом величавым
Нам путь указывает педант:
Волов погоняющий с песней
Цыган — непрофессионален,
Простак-соловей — гениален,
У жаворонка — талант.

И парии нет между парий
(Бродяг, дервишей, прокаженных,
Слепых, на соломе рожденных
Под звон андалузских гитар),
Босейшего меж босяками,
Дерзейшего из беззаконных,
В чьем сердце не мог бы открыться
Таинственный песенный дар.

...Бежит,

Прорывается к свету
Родник Непокоя священный,—
Тростин перезвон драгоценный,
Гром кузницы, тайна, вопрос...
Посмотришь: большие романы —
Как Цезарем взятые страны,
Симфония — царство мечтаний,
Но песня — республика грез.

ФОКУСНИК

Ах ты, фокусник, фокусник-чудак!
Ты чудесен, но хватит с нас чудес.
Перестань!
Мы поверили и так
В поросенка, упавшего с небес.

Да и вблизи головой на потолке
Не сиди — не расходуй время зря!
Мы ведь верим,
Что у тебя в руке
В трубку свернуты страны и моря.

Не играй с носорогом в домино
И не ешь растолченное стекло,
Но втолкуй нам, что черное — черно,
Растолкуй нам, что белое — бело.

А ночь над цирком
Такая, что ни зги;
Точно двести
Взятых вместе
Ночей...
А в глазах от усталости круги
Покрупнее жонглерских обручей.

Ах ты, фокусник, фокусник-чудак,
Поджигатель бенгальского огня!
Сделай чудное чудо; сделай так,
Сделай так, чтобы поняли меня!

Мадонна! Призрей хиппиота! Скажи ему, как ему быть:
Как честную бедность поэта с тугим кошельком

совместить?

Ты что ж, брат?— и гульдены множишь,

и нищенство любо тебе?

Захочешь быть бедным — не сможешь. Загинешь

в бесплодной борьбе.

Есть хиппи. А есть хиппиоты. Влюбленные в нищенский
стяг,

Ненужных им стран патриоты, сидячие слуги бродяг...

Я знаю, что можно не видя любить и невидимым жить.

Но можно ли, в комнатах сидя, бродяжьему флагу

служить?

Я знаю, что можно и это: у скальдов дорога — в груди,

Условно пространство поэта, а свет — все равно впереди.

Но можно ли, жмурясь коварно, за деток обкуренных

пить?

Шептать, что спасенье вульгарно, и жизнью сей взгляд

не купить?!

Сидеть хоть на малом приколе (на краешке стула хотя б)

И славить — в неведомом поле последний бродяжкин ухаб

И пот ледяной?! Поелику (питомцам контор страховых)

Их гибель нужна вам для шику, для вставки

в тираду и стих!

Чудовищные хиппиоты! Романтики с наглым брюшком!

Их краски, их вирши, их ноты — в согласии с их

кошельком.

Но смерти щемящая флейта все манит их в серости

дней.

Чьей смерти? Своей или чьей-то? Тьфу, пропасть!

Опять не своей!

Им нравятся травы, канавы, гитары, порывы дождя

И чувство, что юноши правы, от общества в ночь уходя...

И Сартром взмахнет грациозно, и мешкающих
подтолкнет...
Но в то, что для хиппи серьезно, не верит крепыш
хиппиот.

Есть хиппи, а есть хиппиоты. И хиппи (как в небе
стрижи,
Земной убегая заботы) не верят ни правде, ни лжи.
Цель хиппи нельзя обозначить. Цель хиппи — концы
отдавать.
А цель хиппиота? Подначить. Оплакать. Романтизовать.

Прекрасная марихуана! Как сказки твои хороши!
Дай неба нам! Дай океана! От темной земли отрешись!
Судьба — нападательный минус... Оскомина жизни
горька...
Печальный курильщик! Возьми нас, прими нас в твои
облака!

В твоих-то хоромах уютней! Мы будем довольны
судьбой!
Как крысы за гамельнской лютней, мы ринемся вслед
за тобой!
Но хиппи, наследник печали, растаял в кипящем дыму,
И зрители сразу отстали, которые льнули к нему.

Подначка — великое дело! Прекрасная вещь — западня!
Воспеть же! (Отпеть же!) И смело вернуться
к насущности дня.
Но вскорости ж — новые траты... И снова увязывать вам
Искусственные заплаты с естественной тягой к деньгам.

Так хиппи, лишась интересов, несут на загривке, под
блюз,
Своих неотвязчивых бесов дубленый и замшевый груз.
Мостами, лесами проносят на ниточках тоненьких шей,

Не чуя, как носят, где сбросят непрошенный тучный
трофей.

Готовый к любым присосаться системам, филистер живет
Банальный. Не все согласятся, что имя ему — хиппиот.
Трудней, чем зарубки на сучьях, давать хитрецам имена:
Их лики меняются. Сущность их — та же во все времена.

Буржуйство! Тебе не впервые
Кататься у нищих на вые!
На сотнях мостов, поворотов (Америка, Лондон,
Мадрид) —
Глянь: хиппи несут хиппиотов. Кто смотрит — всегда
разглядит.

КОРОЛЬ ПЕПЛА

Два лагеря в различии глубоком,
Два разных мира, мы в одном равны:
Мы все под бомбой ходим,
Как под Богом,
Все.
Вплоть до поджигателей войны.

Как лошадей ковбой техасский гонит,
Вооруженье с присвистом гоня,
Вы мните, сэр, что *вас* война не тронет?
Не опрокинет *вашего* коня?
Ну, хорошо!
Допустим для примера,
Что нежит вас улыбка револьвера,
Взаимность бомбы, добродушие мин,
Что взрыв не враг вам,
Ибо вам же — сын.
Допустим, поджигатель нескороаем,—
Твердь треснула от жара, но не он.
И вот картина:
Мир необитаем,
А в центре мира — вы —
Увы!
Громадного масштаба Робинзон.
О, с оговоркой!
Пáруса не ждете,
И Пятницы для вас потерян след
(Что, впрочем, применимо и к субботе,
И к воскресенью; нет ни дней, ни лет,—
«Смешались времена», как пел поэт).

Что станете вы делать в мире этом?
Чем торговать-то?
Че-ем?

Небытием?
Бессмертьем?
Пеплом?
Но каким предметом
Мы тот же пепел с вами соберем?
Опять допустим:
Вы свершили чудо —
Нашли совочек,
Подцепив товар,
Несете.
Но зачем? Куда? Откуда?
Кто это купит?
Чем заплатит вам?
Все рынки, сэр,
Все ярмарки,
Базары,
Торговцы,
Покупатели,
Товары,
Банк,
Биржа —
Всё
У вас в одной руке, —
В одном совке.
Так что же вам еще?!
Монархи жирной нефти,
Цари угля —
Все призрак,
Все мираж...

Торгуйте же!
Не бойтесь конкуренции!
Весь уголь — ваш,
Весь дым, весь пепел — ваш!

ПОЭТЫ

Памяти Тудора Аргези

Когда потеряют значенье слова и предметы,
На землю, для их обновленья, приходят поэты.
Под звездами с ними не страшно: их ждешь,
как покоя!
Осмотрятся, спросят (так важно!): «Ну, что здесь
такое?»
Опять непорядок на свете без нас!»

(Кругом суета:
Мышь ловит кота,
К мосту рукава пришиты...
От всякой букашки ищет защиты
Бедный великан!
Зеленый да алый
На листьях дымок;
Их бархат усталый
В жаре изнемог...)

Вступая с такими словами на землю планеты,
За дело, трягнув головами, берутся поэты:
Волшебной росой вдохновенья
кропят мир несчастный
И сердцам возвращают волненье,
а лбам — разум ясный.
А сколько работы еще впереди!
Живыми сгорать,
От ран умирать,
Эпохи таскать на спинах,
Дрожа, заклинать моря в котловинах,
Небо подпирать!
(Лучами блистает
Роса на листе,

Спеша, прорастает
Зерно в борозде.)

Привет сочинителям славным, чьи судьбы предивны!
Но колбасникам, тайным и явным, поэты противны —
Что в чужие встречаются печали, вопросы решают...
«Ах, вопросы нам жить не мешали: ответы — мешают!»

И скажут ребятам такие слова:

«Вы славу стяжали,
Вы небосвод
На слабых плечах держали,
Вы горы свернули,
В русла вернули
Волны грозных вод...»

Потом засмеются
И скажут потом:
«Так вымойте блюдец
За нашим котом!»

Когда потеряют значенье слова и предметы,
На землю, для их обновленья, приходят поэты,
Их тоска над разгадкою скверных, проклятых

вопросов —

Это каторжный труд суеверных старинных матросов,
Спасających старую шхуну Земли.

ЭЛЕГИЯ

Я и сам сегодня
Чтой-то стал нестойкий:
Не дойду до дому
С дружеской попойки.

Сергей Есенин

Вас толкать на пьянство, волокитство,
Дескать, пей, гуляй, на то и стать,—
Умысел кровавого ехидства;
Уж какая «стать», когда не встать?!

А теперь про Вас воспоминанья:
«Пьяным видел там и пьяным сям...»
Вы любили
Изливать признанья
Тайно забавлявшимся «друзьям».

Тем, что отказали наотрез Вам
В разуме! (Что им — во лбу звезда?)
Будто Вас в короткий век Ваш трезвым
Не встречал никто и никогда!

А портреты?— ничего от хмеля,
Всё от неба! (Видно, в оны дни
Только птицы Вас не проглядели,
Музы да фотографы одни.)

«Не дойду до дому...» Эка жалость:
Вьюга все дороги замела.
Стало быть, никто не провожал Вас?
А попойка «дружеской» была!

Толки, толки...
«Как жену чужую
Обнимать березку» — стыд и грех!
Или вдаль не с той черты гляжу я?
Или вижу скрытое от всех?

Не сманить тому ничьей подруги,
Не пробиться да на твердый шлях,
Кто, один, среди полночной вьюги
Обнимает дерево в полях.

ДВЕ БЕРЕЗЫ

Березы вечно две. Одна бледна. Другая
Бела. Одна крива. Ее сестра пряма.
Одна с отвесных круч ползет, изнемогая,
Другая вдаль глядит с пологого холма.

Одна как манускрипт. И как письмо индейца:
Рисунок на коре наивен и премудр.

А та — сплошной пробел. И нечего надеяться
Понять глухой рулон изображеньем внутри!

Березы вечно две. Для равновесья, что ли,
Одна — в лесу густом, другая — в чистом поле?
Та дышит тайною, а эта простотой...

Вся в «яблоках» одна, как конь, живущий в холе,
Другая — вся в рубцах, как мученик святой.

Монахиней одна покой обходит вечный,
С нездешним холодом на ризах дождевых.

А та, придумав сеть, — хитрец простосердечный! —
Перенимает птиц у веток вишни встречной.

Одна для умерших, другая для живых.

Иная в цвете дней по увяданью вянет:
Архангельской трубой буди ее — не глянет!
Так низко клонится!

Всей силой всех ветвей

Так рвется в обморок! (Откуда, в самом деле,
Столь нездоровый дух в таком здоровом теле?!)
Что я ей сделала?!

И что мне делать с ней,

Чтоб удержать ее от вечного паденья?!

Но... доставляет ей, должно быть, наслажденье

Мне сердце растравлять, смеясь исподтишка...

Как если бы утес бесчувственно-суровый,

Всегда склоненный ниц, но, в сущности, здоровый,

Играл надорванным сочувствием... жука!

Березы вечно две. Какая ж выйдет правой?..

Бывает, что и грусть сыграет фарс лукавый,

А радость под конец тоской закрепостит...
Вон, вон!— свинцовая, с чугунных туч оправой,
Бесцветным полымем у омота блестит,
Как перстень Борджиа с прозрачной той отравой,
Что самый быстрый нрав, лаская, укротит.
Она живущим жить, а мертвым спать мешает,
Душою твердого — некстати утешает,
Надменной вялости, как спящей мощи, льстит.

...Есть ива над водой для покаянной позы:
Не лейте ж горьких слез хотя бы вы, березы!
Светлокудрявые, со сливочным стволом,—
Вы ж сушей рождены!..

Вот так, от самых дальних
(Такие дальние, что тень их входит в дом
С личиной, вытянутой длительным путем!),
От плотных до, как свет, прозрачных и хрустальных;
От пестрых до простых; от млечно-изначальных
До измочаленных, с надломанным крылом,—
Березы вечно — две! М о и, по крайней мере,
Блуждают по двое... Погода, что ни час,
Перерождает лес. Но из несметных серий
Две неизменные мой различает глаз.

Не те же самые! Зачем? Всегда иного
Полку и племени. Но спорящие снова,
Не поделившие чего-нибудь опять...
Я озарения в них вижу и просчеты,
Веселость и надрыв. Падения и взлеты.
Жуть византийскую и — ясности печать...

Березы вечно — две.

(Быть может, есть и третья?)

Но где она растет?

И если не столетья

На поиски уйдут, то... сколько ей расти?

Не знаю... У меня — их только две поныне.)

С одной запропадешь! Но из трясиинной стыни

Другая, может быть, придет меня спасти.

ЛЕТО

Между кольями забора серого
Солнце длинные лучи просунуло.
На дорогу лопухи повыбрались,
Пыли зачерпнув краями грубыми.

Подорожник — санитар испытанный,
Врачеватель ног, в пути пораненных,—
Подошел к дороге, приготовился:
Может, думает, кому понадобится...

Одуванчик облетать нацелился:
Все его пушинки набок съехали,
Но остановились нерешительно:
А куда лететь? В какую сторону?

Жаркий день уже склонился к вечеру:
Вечер дню шепнул о чем-то на ухо,
Облака подслушали, задумались
И, забыв, зачем пришли, растаяли...

АХ, КАК ДОЛГО ЕДЕМ...

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной сьерры.
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвется в бездну камень серый.

Тишина. Лишь только песню
О любви поет погонщик,
Только песню о любви поет погонщик,
Да порой встряхнется мул,
И колокольчики на нем,
И колокольчики на нем забьются звонче.

Ну скорей, скорей, мой мул!
Я вижу, ты совсем заснул:
Ну поспешим — застанем дома дорогую!..
Ты напьешься из ручья,
А я мешок сорву с плеча
И потреплю тебя и в морду поцелую.

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной сьерры...
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвется в бездну
Камень серый.

ГРЕЦИЯ

И когда пресловутые римляне
Греков дремлющих покорили,
И рядиться по-гречески стали,
И по-гречески заговорили,

Грубым римлянам мода на эллинов
Подошла, как корове седло.
А захватническое достоинство
В этом случае не помогло.

Ослепили богов прозорливых
И напыщили величавых.
Что-то сделали вроде завивки
Их волос, от природы курчавых...

На таинственных вещих искусствах
Отпечатался нудный размах
Вроде пуговиц на воротах
Или кружев на жерновах.

Можно видеть на римском примере,
Как, в безбожно-неистой вере,
Неумеренность поклонялась
Удивительной эллинской мере.

(Чувство меры не слишком ли скромно
На земле, чьим сынам не восстать?
Чувство меры должно быть огромно.—
Победителю Риму под стать!)

Перекормленные колонны,
Многоярусные подбородки...
«Замечаешь ли, что у Флавия
Что-то греческое в походке?»

И решили (для полного сходства)
Меру греков, рванув, растянуть
До персидских границ. Безобразными
Золотыми гирляндами грудь

Разукрасить у греческих статуй,
Вдохновенно-пропорциональных...

И не слышать подсказа в напевах
Песен греческих, сладко-печальных
    (Под влиянием Парфенона! —
    Чуть не кольца таская в ноздре),
И не смыслить ни в доблести пленников,
    Ни в награбленном странном добре.

...Посягают на ядра и зерна,
А крадут оболочки да шкурки!
Есть парящие в воздухе клады,
До которых ни персы, ни турки
Не прорубятся...
Вот так победа!
С победителем
Самый трофей
Обращается как победитель,
Угрожающий в сути своей.

Никогда не пришло возмездие.
Никогда оно Риму не снилось.
Безобидно расположились
В римском климате греческий стилос,
    Песня, чаша да тень колонны —
    Скарб,
    Ничем не грозящий пока
    (Разве ненавистью поколений,
    Простирающейся в века).

Небожители олимпийцы
Приспособились к жалкому плену:
Бог войны дезертировал в цирки,
Кровь и смерть перенес на арену.
    Артемида — игра и охота —
    Приусловились к богу войны...
    Только грозные стрелы Эрота
    Из губительных стали смешны.
Растворилась Греция в Риме,
Как жемчужина в чаше яда.

Этот выветренный по крохам
Ветхий берег — уже не Эллада.
Этот грунт испитой, сыпучий,
Омываемый не спеша,
Только храм, а не жрец во храме.
Только тело одно — не душа.

Но взгляни за черту горизонта,
Вдаль, где острые ласточки вьются,
Где с душистых темнеющих пиний
В стадиона гигантское блюде
Каплют сумерки нежной смолою,
Где укроповый вечер свежей,—
Что за облачко в небе витает,
Окруженное стражей стрижей?

Там витает —
Фиалковолоса,
Копьеносна, пестрообута,
Бестелесна, как ворох тумана,
Как плывущая в небе Лапута,
Суверенна, неуязвима,
Непонятна, не пленена —
Неподвластная воинам Рима,
Неизвестная Риму страна.

УЛЫБКА ДЕЛЬФИНА

Да, улыбается дельфин. Улыбка эта
Скрывает под своей таинственностью дивной
Спор бдительного сна с тягучестью рассвета,
Сплав прямодушия — с хитринкою наивной.

В ней греческих богов немеркнувшее лето,
Непризнаванье зла, непониманье лжи в ней,
Но просьба и вопрос; извечный, непрерывный,
Не замечающий, как долго нет ответа...

Доверчивость его жутка, страшна мне что-то...
Вот он играет в мяч. Яхтсмены и яхт-клубы
Следят, рукоплеща. (Они ведь не плохие.)

Но крикнуть хочется,— едва лишь за ворота
В открытый океан он прыгнет и стихия
Его помчит на дно,— «Не возвращайся, глупый!».

КОРАБЕЛЬНЫЙ РАЙ

(Сказка)

Пусть кораблям, погруженным на дно, сны о счастье
не снятся:
Тяжко им так, что и к Судному дню им теперь
не подняться!
Много моллюсков на нихросло, еще больше — печали.
Эй, не горюй! Уже то хорошо, что летели и мчали.

Пена с бушприта в четыре ручья кружевного стекала...
Как — в предрассветной свинцовости — кровь
фонаря иссякала
Грозно! Но козни такой на борту океан не запомнит,
Чтобы фрегат быть собой перестал до того, как
затонет.

Бледное облачко вдруг разрасталось, отстав от эмали
Штиля,— и призраки тьмы у матроса штурвал отымали...
Взрыв! Но ни страсти такой на борту, ни такого подвоха,
Чтоб галеон до того, как рассыплется, выглядел плохо.

Флинта и Моргана, впрок погружая их рожами в пену,
Море влекло и тащило; других выдвигало на сцену...
Кровью обрызганным грузом кромешные трюмы
набиты
Были. И жертвы напрасно просили у неба защиты.
В чем же романтика? Может быть, в том,
что чудовищных месив
Не осязали в себе бригадины, лишь главное взвесив?
Как бы ни смачно ругался впотьмах и ни сплевывал кто-то,
Так же высоко неслоь очертанье высокого грота!
Есть у вещей силуэт. Не должно в него лишнее вкрасться.
Кто очертанье унизит, тому и другое удастся.

Кто-то их палубы зря попирал, кто-то смерть
их приблизил,
Но силуэтов летящих никто никогда не унизил.

Странные!

Бог весть кому потакавшие в темных затеях!
Так никогда и не знавшие тех, кто летел на хребте их,
Спят. Но остался их контур в сердцах до последнего
сгиба;

Мчащий, летящий на всех парусах! Непокорный.

Спасибо!

Вот мне и снится, что время придет, и хотя
затонули,
И, несмотря что, как нить золотую, не всю
дотянули,
Не дотянули, прервали они свою песню
о счастье,—
Судного дня золотая труба их разбудит. Отчасти.

Призрачный ветер подымет, в темные щели задувши;
В рай корабельный взойдут кливера —

их бессмертные души,

А корпуса только глубже огрузнут, осядут и канут.
Вот уж тогда-то их старые раны болеть перестанут!

Эй, не горюй, старина, что непросто им с якоря
сняться!

Пусть кораблям, погруженным на дно,
сны о счастье не снятся;

Пусть хоть и много моллюсков на них,
хоть и много печали —

Жизнь их была уже тем весела,
Что летели и мчали...

ВЫСЕЛЕНИЕ ИЗ ВСЕЛЕННОЙ

(Поэма)

До сих пор грохочут водопады,
Сотрясаясь от избытка сил,
В той стране, где правнук Гайаваты
Свой очаг навеки погасил.

Не синеют в сумерках вигвамы,
Старики не курят возле них.
Не скользят каноэ под ветвями
Средь осок и лилий водяных.

Смолк навеки скорбный ваванэйса
В чаще леса — кладбище листвы.
Облетели у вождя-индейца
Радужные перья с головы.

Сохнущие шкуры у порога
В солнечном ветру не шелестят.
Навсегда отчалила пирога
К берегам Понима, на закат.

Навсегда колчаны опустели,
Навсегда лесные короли
Боевые луки опустили,—
В гордое преданье отошли.

Сквозь века,
Сквозь пламя поздней дружбы
Я назад их горестно зову:
— Почему вы бросили оружие?
Где вы скрылись, грозные?
А-у!..

...Только ветер в травах пробегает,
Где, зарывшись в землю с головой,
Вечным сном забылся томагавок —
Лучших дней товарищ боевой.

О, какой же силы дуновенье
И какой же тяжести волна,
Как пушинку, сдуло поселенья?
Как соринку, смысла племена?

Не сюда ли дети кроткой веры
Принесли Спасителя завет?
Не сюда ль пришли миссионеры...—
Погасить прекрасный Новый Свет?

Ничего себе у них «молитва»,
Коль сумели раз и навсегда
Срѣзать, как чудовищная бритва,
Целые народы без следа?!

Как же быть?
Как прошлое поправить?
Детям леса сделанное зло
Чем избыть?..
Сорву листок на память
Обо всем, что с ними стать могло...

...Томный Запад!
Тающая тайна...
В диких почках скрытая судьба...
Шелест... Проливное щебетанье...
Водопадов дальняя пальба...
Холод сладкий, трепет вдохновенный
Чаш, ослепших в собственной тени...

А туземцы где же?!
Из вселенной
Прочь навеки изгнаны они.

Раса незаслуженного цвета —
Раса белых! Честь невелика!
Ведь великая твоя победа
Преступленьем впишется в века.
Дорог счет за выветренный череп,
Сохнущий на солнце меж травы,
За корону из орлиных перьев,
Сорванную с гордой головы,
За печаль,
Догадку,
Сновиденье,
Где могло быть яви торжество,
Где лишь тот спасен от вырожденья,
Кто не знал рожденья самого!

Дорог счет...
Но все ль он в старой силе?
Кто и с кем расплатится по нем?
Что же делать, если годы смыли
Кредитора вместе с должником?!

И тихонько отвечает ветер,
Пролетая в струйках снеговых:
— Кредитора, верно, нет на свете.
Но должник, по-моему, в живых.

Не на книжных сумеречных полках,
В полных чар Эмаровых томах;
Он живет в сомнительных потомках,—
В ясных виллах, в барственных домах...

И ему ночами сладко спится,
Словно он ни в чем не виноват;
И ему не чудится, не снится
Страшный путь с востока на закат...

Пулями исклеванные «фрукты»,
Терпкие пропойцы, игроки,
У которых бороды — как муфты,
Бакенбарды — как воротники,—

Где они?
От волчьего наследства
Только шерсть отбросив навсегда,
Он давно оставил пору детства,—
Ту, когда бывает борода.
Носит он тончайшие манишки,
Бреется едва не до кости,
Занимает все мирские вышки,
Ходит в церковь.
(Господи, прости!)

Там, в лучах лампы негасимой,
Он застыл в поклоне у колонн:
Не отцов ли грех непоправимый
В этот миг замаливает он?
Где уж там!
Одно он помнит крепко
И одна молитва у него:
«Боже, дай мне в зле, достойном предка,
Переплюнуть предка моего!
Намалюй свое благословенье
На горбах моих броневиков,
И свершу я за одно мгновенье
Преступленье нескольких веков».

**О, не поздно ль?
Страны прозревают.
Поздно!
Человечество следит.
Сам себя наш мир не прозревает.
Взлом земли земля предупредит.**

**Но при этом... Ищет новый разум,
Ищет в прошлом твой досадный след...**

**И восходит перед новым глазом
В новом свете тот же Новый Свет.
И, дивясь на старое злодейство,
Фермер останавливает плуг
Перед ветхим черепом индейца,
Перед черным делом белых рук...**

**...Пусть ушли,
Растаяли во мраке
Грозные лесные короли:
С их надгробий стершиеся знаки
Мы в сердца свои перенесли.**

1957—1958

ТАЙНА ПРАВОВ

Сто девять тайн раскрыть,
Сто зерен в землю бросить,
Перед невзгодами не опростоволосеть
И вспомнить ста вещей простые имена.

Свои у лирики железные законы.
Но, жанра обойдя жестокие препоны,
Всю пестроту натур обдумать я должна.

Роман писать?

Увы!

О нем, за недосугом,

Мне разве что мечтать с восторженным
испугом!

А в непослушный стих так трудно влить
рассказ

О лицах без числа, как бы несомых бурей,

О тертых калачах с очами райских гурий,

О сдобах с парюю железно-хитрых глаз,

О слабонервности, о прямо голубиной
Многочувствительности молодца с дубиной;
Ты на него дыши
Сквозь паклю! А не то удар страдальца
хватит!

А ежели сам кого сплеча дубиной хватит,
То... лишь по редкому изяществу души.

Как много редкого на свете!

И как мало

Обыкновенного! Глядеть — так прямо страх...

Ты помнишь, как в глазах у нас уже мелькало

От уникального? Как путалось в ногах

Неповторимое? При том, что нам с тобою

От исключительного не было отбою:

Валили, взяв разгон,

К нам — то единственные в роде, то — из ряда
Вон выходящие... (Из ряда ль? Молвить надо,
Что так же из дому пришлось их выгнать вон.)

О самомнения губительный маночек!
Свиненок с крыльями... Звезда во лбу козла...
Избранничество есть заскок не одиночек,
А необъятных толп несметного числа.
В какой козявке не сидит наполеончик?
Какого слизняка следок — не полигончик
Властолюбивых нужд
Иль титанически-плохих поползновений?
Кто не владыка сфер?
Какой дурак не гений?
Который лавочник наполеонству чужд?
Где просто человек?
Какой пошляк не демон?
Глянь, солнцеравные уж сыплют, как ячмень...

Я вижу, этот мир не из молекул сделан,
А из заносчивостей всех, кому не лень.
На равенство ни в жизнь дурак не согласится!
Сам хочет быть «как все», сам — на Олимп косится:
«Что, дядя, все уж там?»
«Не все», — сказал Финдлей.

Представь-ка лучше, брат, что в горнем царстве неком
Жил... кто? Да хоть портной. Был — кем?

Да ЧЕЛОВЕКОМ!

Вот часть блаженнее, чем состоянье фей!

О Клио!

Дай мне мощь и несторов терпенье!

Дай, Полигимния, мне силу песнопенья,

Чтоб родственную связь

Меж бомбой, вызревшей, дабы свалиться спело,

И самомненьями — я проследить успела

И от юдольных нужд в мечтах не унеслась.

ЧЕЛОВЕК

Сквозь туман заблуждений, сквозь дебри сомнений
Пробирается вдаль человеческий гений:
Зажигает фонарь на вершине маячной,
По тростинке проходит над пропастью мрачной,

В тяжких недрах земли обливается потом,
На серебряных крышах стоит звездочетом,
Над морями на тихом летит монгольфьере,
Разбивается насмерть на личном примере,

Он на землю приходит то пылким Икаром,
То бесстрашным и добрым Алленом Бомбаром,—
Личным другом Надежды, врагом Заблужденья,
Чья рука равносильна руке провиденья,—

Фермопильским вождем, капитаном «Кон-Тики»,
Человеком, бегущим на дальние крики...
Летописцем, исполненным вещего рвенья
Никого не забыть, кроме пугал забвенья.

В каждом веке он первый. Но дело, в котором
Подозренье в корысти покажется вздором,
Где никем не могло бы тщеславие двигать,
Где гляди не гляди, а не выглядишь выгод.

Между койками ходит в чумном карантине,
Служит крошечным юнгом на бригантине,
Над полями сражений, как в тягостной сказке,
Кружит ангелом с красным крестом на повязке...

И на крылья свои, с неизвестной минуты,
Надевает суровые тайные пути,
Чтобы в грусти своей и себе не сознаться,
Чтобы в самом страданье своем — не зазнаться.

**Ибо нет на земле и не будет деянья,
Чтобы стоило ангельского одеянья.
Ибо странно мечтать о блаженстве небесном,
Не ходив по земле пешеходом безвестным.**

**Сквозь туман заблуждений, сквозь дебри сомнений
Пробирается вдаль человеческий гений:
Зажигает фонарь на вершине маячной,
Чтоб горел его свет, как венец новобрачной.**

**И приходят титаны в раздумье глубоком,
И кончаются в муках, когда ненароком
Застревают, как стрелы, в их ноющем теле
Их конечные, их бесконечные цели.**

**Убегаем от чар, возвращаемся к чарам,
Расправляемся с чарами точным ударом...
...Далека же ты в небе, звезда Идеала!
Но стремиться к тебе — это тоже немало.**

НОЧЬ НА 14 СЕНТЯБРЯ 1959 ГОДА

Луна за облаком.
Она не ждет визита.
Но серым пламенем изрытый небосвод
Сквозит гигантскими прожилками гранита,
Как будто стройка там беззвучная идет.
Куранты бьют...
Шипенье в промежутках,
Как бы кипит горящая смола...
Удар!
Минутка — легкая малютка —
Эпоху за собою повела.
Удар...
Луна взята.
Еще со Спасской башни
Сползают отзвуки дрожащей пеленой...
Какие пропасти
Между Луной вчерашней
И нынешней Луной.

НАШ ГЕРБ

*На запуск ракеты
с советским вымпелом на Луну*

**Земной рабочий молот
Упал на лунный серп.
Какие силы могут
Разрушить этот герб?!**

СОРОКОВЫЕ ГОДЫ

Когда вступили мы впервые
В ревушие сороковые
(Но не широты, а года),

Мы не смогли бы, не сумели
Под пули стать, надев шинели:
Ведь были дети мы тогда!

Наш путь, однако, не был нежащ:
Мы жили
Как бомбоубежищ
Из стен пробившийся росток.

Нас тусклой пылью обдавала,
До нас полою доставала
Тень войск, идущих на восток.

Но редко мы твердим об этом.
Не потому, что «шпингалетам»
Был всяк заказан батальон,
Не потому, чтоб не видали
Войны существенных деталей
И смерти явственных сторон.

А потому, что ведь (по слухам)
Одетым в черное старухам
Не надобно напоминать
Про их прощанье с сыновьями!
И без того
(Мы знаем с вами!)
Вовеки сына помнит мать.

Зачем к печалям беспримерным
Нам приступать Фомой Неверным?

В незаживающее лезть?
Прости, Фома!
Но палец в рану
Я ей заталкивать не стану,
И так я знаю — рана есть.

Молчание — не умолчанье.
И дико нам само звучанье
Разговорившихся скорбей!
Ужели истинное горе
Не в немоте, а в разговоре?
Не понимаю, хоть убей!

А ты,— прости!— с какого краю
Ты подходил к войне,— не знаю:
Не может быть, чтобы связист
Или сапер на поле боя,
Увидев смерть перед собою,
Стал так напыщен и фразист,

Как не был и до встречи с нею!
Я за тебя давно краснею!
Друзей так много, может быть,
Там на глазах твоих почило!
Но... даже смерть не отучила
Тебя красиво говорить!

Теперь,
Какую ткань ни вытки
И, наставительный до пытки,
Каких ни распиши атак,
С перстом, надменно вверх воздетым,
Мы спросим:— Ты-то был при этом?—
Мы скажем:— Что-то здесь не так...

**О да! Покуда подрастали,
Мы смерти явной не видали:
На нас не прямо глянул Вий,
А только искоса и вкриве
(Когда в своей недоброй гриве
Мотал нас ветер дистрофий),**

**Но и теперь,
В семидесятых,
По мелочам и для дебатов
Тревожить павших не хотим:
Пройдем, молчание утروив.
Глубок, священен сон героев
И с суетой несовместим.**

ГОСПИТАЛЬ

Окован стужей госпиталь военный,
Рассветный, сизый, мертвенный мороз
Нет-нет и звякнет утварью бесценной —
Пробиркой льда на пальчиках берез.
Березы снег рассматривают ранний,
Как бы ища пружину западни...
Медсестры, подбирающие раненых,
Не наклонялись ниже, чем они.
Они к земле промерзлой клонят ухо,
В безмолвии, как будто слыша гром
Войны, докатывающейся глухо
До их подкорня призрачным ядром.
Ядром подземным, прячущимся в норах
Кротовых и полевкиных. В углах,
Уже не разорить ему которых,
Но где — щелчками — бьет по стенам страх.
Ядро летит к земле. Приткнется сбоку,
Родив зловещих полчища свищей,
Поискривив к неведомому сроку
Зверей костяк, рост листьев, ход вещей...
Вот так, остановиться где не зная,
Как бесконечным змеем шнур-запал,
По всей земле ползет волна взрывная...
Все спали. Спало все. Никто не спал.
Не спят березы: в поле, на развилке,
У водокачки клонятся... Видать,
Везде в снегах им чудятся носилки:
Еще чуть-чуть нагнуться — и поднять!..
Рванет состав на горизонтах дальних,
Простонет раненый, — болит рука...
Не спят березы в рощах госпитальных.
Не сплю и я же, дочь политрука.
То думаю о жизни бестолковой,
То утешаюсь: вот придет мать

**Пить чай у партизанки Стрижаковой,
Стихи о розе раненым читать...**

Не спят березы там, где лес и пашня:

На рукаве их марлевым

Вдали

В каскадах искр, дыша тепло и влажно,

Восходит солнце — Красный Крест земли.

БЕРЕЗА

За бродом, за переправую
Береза цветет над речками:
Не только листва кудрявая,
Но даже кора — колечками
Золотыми...

А лист у нее смеющийся,
А смех у листа залиvistый,
А ствол — маслянисто льющийся,
А то — в поясах, прерывистый,
В перебоях...

Еще и волной разорвано
(Подобно письму зазорному)
Ее отраженье влажное;
И сыплет флажки бумажные,
То краткие, то протяжные,
Вдоль течения...

И мнится: не наверстается,
Сойдет, быстринной невлюбленный,—
Но в тихой воде срастается,
Подобно змее разрубленной,
Ствол дрожащий...

Я знаю, что есть у омута
Черемуховая комната,
Где, вычерненная начисто,
Боящая вторжения,
Так робко береза прячется,
Что в списке лесов не значится!
Но выдало отражение,
О береза,
Тебя среди ив... (А где ж еще
И сыщешь твое убежище?)
Кувшинкою ядовитую,
Как музыкой сна, обманута;

ВОДОСТОЧНЫЕ ТРУБЫ

Дождь,
Дождь вечерний
Сквозь водосточные трубы.
Мокрые стены,
Зеленая плесень да мох...
Ах, эти трубы!
Сделали трубочкой губы,
Чтобы
Проходим
Выболтать тайны домов.

Трубы вы, трубы,—
Я вашим тайнам не рада.
Ржавые трубы,
Вы бросьте про тайны трубить!
Я вас не знаю,
Мне ваших секретов не надо:
Зная секреты,
Трудно мечтать и любить.

Верю, ах, верю
Тому, что за этою дверью
И в том окошке
Измена, обида, обман...
Верю, ах, верю!—
Но почему-то... не верю.
И улыбаюсь
Каменным этим домам.

Верю надежде,
Даже как будто напрасной,
Даже напрасной,
Совсем невозможной мечте...
Вижу я город,

Вижу я город прекрасный
В белом тумане,
В черном вечернем дожде.

Трубы вы, трубы,—
Бедные!—
Вы еще стары.
Вся ваша плесень —
Лишь первый пушок над губой.
Вы еще стары,
А мы уже юными стали,
Хоть мы узнали
Самую старую боль.

...Дождь,
Дождь вечерний
Сквозь водосточные трубы;
Мокрые стены,
Зеленая плесень да мох...
Ах, эти трубы!
Сделали трубочкой губы,
Чтобы
Проходим
Выболтать тайны домов.

То не дорога, не шлях: *путь* в предвечерней тиши.
Сборщицы чая в полях, желтые крыш камыши.
Взрослые двое со мной: за руки держат меня,—
Тихо уведат меня в жар заходящего дня.

Пыль. Замирание пчел. Дальний за облаком гром.
Может быть, это Китай?— мы ведь так долго идем...
Может быть, сам Индустан? Крыши — как платья
до пят...

Всяк на пороге своем, люди как тени стоят,

К розовой раме дверей

Всей припадая щекой...

Эти дома

Изнутри

Я представляю с тоской.

Долго не вносят ночник: любят сумерничать там,
Красный кувшин на столе, синяя мгла по углам.
Гость *опускается* в дом, словно небесный посол,
Ибо чуть ниже двора хижины глиняный пол.

Всюду циновки лежат. (Чу!— тростниковый мотив...)
Ходят по ним не дыша, пальцы к губам прирастив.
В окнах стоит тишина — нежно, как в вазе вода...
(Впрочем, не умер никто и не умрет никогда.)

Вот мы, глядишь, и пришли!

Вот мы, глядишь, и вдали!

Солнца оплавленный край

Брызжет у края земли...

Красный мы видели двор,

Слышали крик индюка...

(Где-нибудь здесь и павлин!—

Просто не виден пока...)

Прямо по воздуху ночь сходит не чувствуя ног:
Звякнет о берег земли месяца белый челнок...
Кто-то пойдет за огнем... В поле и в доме темно.
Древнеиндийский светляк с лампой влетает в окно...

**Жаль: никогда не дошли
Трое до края земли!
Жаль!— но лишь грезилась мне
Сборщицы чая вдали.**

ЗМЕЕЛОВ

Змеелов!

Твоя судьба не из отрадных.

Ты идешь путем деревьев и зверей

По тропе в перерывающихся пятнах,

С палкой, флейтой да мешком для сухарей.

Вскормлен скорбию, бессонницей взлелеян,

Вспобен сыростью весенних тростников,—

Ты выдразниваешь змей из их расселин,

Ты выкуриваешь змей из их пеньков...

Их фамилий извивающихся звенья

Ты не просто разрубашь или рвешь;

Ты на флейте им играешь — из презренья,

Из гадливости — ты песни им поешь...

И ползут, и покоряются заклатью.

Между тем тебя давно должна бы знать

(По глазам и по разорванному платью)

Эта злая раззолоченная знать.

Глаз твой сух (как бы кружащий в чаше влаги,

Но не мокнувший, а тонуший сучок).

Неотступным (не мешающим отваге)

Ровным ужасом расширен твой зрачок.

Ты и сам — на этой ниве сна и яда,

Обезвреженных зубов, усталых жал —

Тишину остановившегося взгляда

У врагов твоих заклятых перенял.

Ты и сам — на этой зыбкой службе риска,

Как затворник — отрицанием Творца,—

Ядом джунглей усыпляющим проникся,—

Хоть рубашку отжимай да жди конца!

Вот по зарослям струенье огневое —

Точно гребень вдоль Горгониных волос...

Не пленен ты и цветеньем (каковое

Между змеями случайно прорвалось).

Слышишь?— ветер, тихий ветер свежей тени
С пламенистого куста перелетел...

Да не взять тебя истоме смертной лени,
Раз не желтая горячка — твой удел!

Жребий твой (как пояснили бы софисты)—

«Все живое» останавливать вокруг;

Лес не ветками, а жестами ветвистый,

Лог, без надобности двинувшийся луг...

Срезать с озера непрошенные грани,

Все, что едет, придержать на тормозах;

Пашню, полную неясных порываний,

И расселину, плывущую в глазах...

Так разладить высших целей «сообразность»

(Завитками проглянувшую кругом),

Чтоб наперсточный малыш,

Забыв опасность,

Зашагал по дну долины

Босиком.

Змеелов!

Хотя и в смерти обязуюсь

И в безумии тебя благословить,

Жребий твой — не умереть, не обезуметь,

А пленительные земли обновить!

И по рекам, рекам мутным и свободным,

Полным сил, запароженным, живым,

По дорогам, по дорогам этим водным

(А весной наполовину снеговым),

По волнистым плотогонческим бродвеям

К человеческому городу приплыть

И за ненависть томительную — к змеям...

Человеконенавистником прослать.

ПЕСНЬ О ДАЛЕКОЙ ДАЛИ

Где-то

в далеких краях
Есть одинокий маяк.
Старенький сторож на нем обитает,
Серые волны, скучая, считает.
Знаю: встречает, потом — провожает

Все уходящие вдаль корабли.

Знаю: пучина морей
Скрыла троих сыновей.
Не оттого ли с тех пор и доньше
Старенький сторож перечит пучине?
Пальцем грозит океанской пустыне,

Бурю встречая, трясет головой...

Но временами маяк
Весь расцветает, как мак;
Лодка подходит к нему с провиантом.
Старенький сторож нарядится франтом,—
Шляпу с коричневым кожаным бантом

Держит рукой, чтобы ветер не снес...
Все же в конце-то концов
Лодка уносит гребцов.
Не оттого ли с такою тревогой
Вдруг просыпаюсь я ночью глубокой?

Только помыслишь о дали далекой,—
Кругом от грусти идет голова...

ВЕЩИ В ДОМЕ

(Поэма)

Люблю дома, где вещи — не имущество.
«*Душа вещей*», 1966 г.

1

В кабинете отца рабочем,
В этой,
Вызывающей трепет у нас, у детей,
столице

Дома,
Где скрадывает разбежавшийся шаг нога,—
Две львицы;
Две, стерегущие библиотеку,
Мраморные львицы,
Маленькие, но тяжеленные,
Как два утюга!

Мрамор их матовый, сахаристый
(Благо — без полировки,
Ведь полировка бы им придавала
Не слишком приятной сноровки),

На приседающих лапах, ползком
Две львицы;
Их уши прижаты к спине, точно кепки
стесняющихся хулиганов,
Пришлепнутые назад козырьком.

Они приползли к нам и взгромоздились
На книги — зализывать раны.
Они перешли к нам от дяди...
Как быть!—
Вздыхай — не вздыхай...
От Тихого океана пришли
для временной передышки.

Дядя мой был человеком суровой судьбы,
добряком
И автором маленькой, но драгоценной
книжки
Про государство Бохай*.

...Утюг.
Которого раскаленность,
увесистость,
неприступность
И всяких других — грозящих,
гнетущих,
Пугающих качеств купность
Рискованную домохозяйку,
Детей любознательных стайку
Захватывала надолго,
Притягивала всецело, —
Большущий утюг!
(Хорошо, что его конструкция устарела
И на ногу никому из нас не успел он свалиться
по счастью!)

Какой же, однако, он был импозантный,
Таинственный, гордый, почтенный!
И требовал он,
Как древний дракон с огнедышащей
пастью,
От скромных домохозяек
Зигфридовского геройства!

И это свое широкое тьявкальное устройство
Он, — вижу его, как сейчас! —
то захлопывает,
то распахивает

---

* Докитайская империя.

Лица его странного я почему-то
рада!
И к ночи, к ночи,
Когда лихорадочно мысли теснились
И тучи, сходясь, обланали данью
слабеющий небосклон,
Я думала: как же он был одинок!
И как его все сторонились!
И как с болтливыми теми людьми
не хотел разговаривать он.

...Тяжелый наш быт
Вперемешку
С изысканным!
Словно в насмешку.
Так Золушка держит хрустальную туфельку
черной от сажи рукой...

2

Ведь мы фактически семья художников.
Умеет мать
О шумных осенях, о серых дождиках
Стихи слагать.
О листьях радужных,
К зиме, над жухлыми
Полями,— вдаль умеющих
летать...

А я ручаюсь вам всех пасек пчелами,
Всех сопок ландышевыми подолами,
Что у художников большими буквами
На лбу написано:
«Не унывать!»
(Ведь там росла она,
Где сопки с падыми

Были ей школами,
Были тетрадами.)

Чья речь, горячая, как пламя кратера,
И для стяжателя страшна и для лжеца?
Дар агитатора, талант оратора
Есть у отца!

Он вел в Хабаровске «Живой журнал»,
На Краснознаменной клеймил и гнал
Мздоимцев-хищников, мещан-ветошников...
(Ведь мы фактически семья художников!)
Он знал печаль — уныния не знал.

Ах, безоглядные, головоломные,
Порой выкидывая номера,
Какие странные, какие темные
Мечты рассказывает мне сестра!

Опасно-взрослые ль?

Бесстрашно-детские?

Огнеземельские или эдемские?

Но этот блеск на них — не мишура.

Ведь мы фактически семья художников!

И тот фитиль в разрезанных картошинках

В те фантастические вечера

Светил, сиял нам — разве не вчера?

У зайца Афти зернами гранатовыми
Глаза раскосые блестят в углу...
Я знаю первые игрушки братовы,
Рисунки брата детские люблю.

«Извозчик в бурю». Кляча...

(«Нно-о, постылая!»);

«Пират-курильщик». (Сумрачный графит.)

За керосином «Очередь» унылая

На струйку данной жидкости глядит,

Глаз изводя занудством... Заповедная
Анискинская церковь: шапка медная
Скликает галок. Блеск руководит
Их тьмами... Кратко, остро!

Брат, продолжи-ка!

Ведь мы же, как-никак, семья художников,
Нас тень Милле от бедствий оградит.

Сызмала танцы сама на ходу
придумывая,

Под радиолу, ликующую с утра,
Я доплясалась до сцены!

(Не зря в роду у меня

И скрипачи и скрипичные мастера!)

Правда, что отдыхающие санатория —

Первая и последняя аудитория;

Перед свинцовой дверью военных лет

Остановился и кончился мой балет.

3

...В окне вместо стекол местами трепещет фанерка,
Стекло на ветру дребезжит...

Наш дом, как трещотка летучая! Как

разинутая табакерка,

Как тот лоскуток, что к последней фаланге

бумажного змея придет,

Вперед устремляясь и в небо,— чуть ветер порывом

По роще, по кругу пройдет...

Засохший вьюнок на шпагате снаружи окна

под наивом

Домчавшейся свежести.— снова, как дух,

оживет, зацветет

И так по стеклу шелестит!— будто призрак,

но призрак веселый,

Гордился названием «Сна с продолженьем»!
(Все это украли потом!)
Все пьесы я там начинала!
Я каперам в пасти вгоняла
Взамен недосказанной речи
Сигару,
А вместо ругательства —
Гром.

(...Любое морское сравненье покажется
кстати,
Когда ваша хижина грозно наклонится вбок;
Кто ловит насмешливо нас на моряцкой цитате,—
Пускай поживет в накренившемся доме с часок!)

Дом-шхуна, лети!
Заплескав, паруса на закате,
Попутный румянец прияв, удирают
на всех парусах
От капера — в тень...
Только верный вьюнок
за окном
на шпагате,
Как махонький юнга на тонких летучих
снастях,
Все вглядывается в дали,
Настороженно привстав...

А скоро ли крикнет: «Земля!»
Скоро ль ясная будущность наша?
Эй, зорче в окрестности, юнга-вьюнок, погляди!
На сушу взгляни с тенью ветра,
на сушу
с морщиной морского
пейзажа...

...Фанерка трепещет,
Стекло дребезжит...
Вперед —
Неведомое...

4

...Нельзя, нельзя не склониться
Над куперовской страницей
В том доме ветров и пустых упований!—
    Не так ли по временам
Потерю несет за потерей
Фургон покорителей прерий?!
Жаль, прерии долго еще не заметят
Своей покоренности нам.
И ночь.
И ночь, и дорога.
Мерцание по сторонам...

И вот уж индейцев отряды
Повысыпали из засады!
Их больше, чем надо!
Разводьями радуг расписана армия вся!
Бесчисленны иглы у хвои —
Войска их — бесчисленной вдвое;
Срываются с воем с лесистых холмов,
    берег воплями весь оглася;
Мужи представительные пищат, будто жалуясь,
    точно прося;
Могучие воины — чу!— верещат, ненавистников
    понося...

Всегда почитала их
В отдельных обычаях,
Но как трепетала их
Я голоса, клича их!

Что в нем?— подражания посвисту стрел,
изнывающих
Со всей монотонностью,
Со всей заунывностью;
В нем песенка стрел, на лету своем страшном
сдувающих
Прикрысы, вносимые
Ребячьей наивностью;
В нем клевет вражды, с пресловутой ее
непреклонностью,
В нем ужас войны, приглушенный лесов
монотонностью...

...Что за притча!
Я как будто знаю,
Помню по себе, как стрелы жалят!
Но уход стрелков колчаноносных
В нечто вроде шума в красных соснах
Все равно печалит.

О, тоска и гнев!
Когда, гонима
Вихрем к зареву Понима,
Вся толпа их вдруг остановилась
Над озерными волнами
И неожиданно
Красным лесом зрению явилась,
Водопадом. Валунами.

Но ветер — и двинулись воины снова: идут,
все идут, неуклонно,
И безостановочно стрелы звенят, и висят,
мороса,
И тускло, и грозно глядит тускарора,
вскочив на подножку
фургона,

Но вдруг... оступается, прынув во мрак,
назад,
и, топор занеся,
Таает...

Где он?
Или ветром сдуло?
Или перед дулом передумал?
А ничего не случилось;
Это просто человек читает:
Не то в своем доме-фургоне,
Когда через легкие занавески дверей
светает,
Не то — на лесистом склоне...

Вещи в доме-фургоне?
Тут много
Таких вещей — не вещей,
как рисунок, цветок,
перо или книга
Славного Купера — о могиканах
последних;
Тоже вроде бы вещь —
А без вещевого ига;
Почти без веса!
Вещь дома и леса.

Колeblesя вес ее невесомый
И от любого сдвига
И колеса и спицы,
Слышных сквозь половицы.
И странные,
Вечные, непостоянные,—
Вещи — не вещи эти,
В доме-фургоне,

Глядишь, то в доме лежат,
    то в кювете,
То на лесистом склоне,
То на руке,
То вдалеке,
То — вообще — на свете.

Попробуйте, витязь
Удачи,— на них наживитесь:

Наполовину вещь,
Наполовину птица.
Наполовину есть,
Наполовину — снится!

(И притом не вам,
А в пустыне львам!)

Обронена в траву
Занятная вещица:
Сам хлыстик наяву,
А рукоятка — снится!

Купите прекрасную вазу,
Которую видно не сразу,

И то лишь по средам
Перед обедом.
В пятницу же она вам
    не покажется

И только мгновенной картинкой от вас
    отвяжется,

Так как действительный рисунок
Нанесен
Не на действительную глину,
А на сон.

(Впрочем, сосед мой
Всегда на плаву:
Купит во сне,
А продаст — наяву!)

...Я погоняю пару волов угрюмую.
Вещи земли вереницею в мыслях вытянув,
Грежу о времени славном, когда додумаю
Мою бесконечную сказку:
«Союз действительных»!

Здравствуй!
Тебя ли я вижу снова,
Мир, ярко-мнимый?
Недостижимый, как прежде,
Как прежде, незаменимый.

Здравствуй!
И снова прощай, работа:
Встретимся на горизонте...
Вы ж, буйные вихри, моих неразобранных
Рукописей не троньте!

Листы не треплите, не уносите их
В ночь, за окно фургона,
Где ирокезские стрелы впотьмах
Насвистывают полусонно,
Летя и вися, как густая роса;
Ведь уж больше не страшно усталым
Мыслям — под тучами стрел засыпать,
Как дети под одеялом.

...Стихли гуронские стрелы.
(Обиделись,
Знать, на разрывы фугаски!)

Я поражаюсь: как долго обыденность
Спротивляется сказке!

Жду дня, жду часа, когда хоть слово,
Хоть букву я в ней продвину...
Долго ль над нами судьбе измываться?
Долго ли сказке моей
Оставаться
Сказкой — наполовину?

5

Самоуничижение, говорят, паче гордости.
А я здесь, кажется, через картины лишений
И всякого бытокрушения,
Я, кажется, здесь вам явила так много
Гордости самоуничижения
И гордости в чистом виде,
Что некоторые, опасаясь, останутся
Опять на меня в обиде!

Что делать... И что, рассудить, кроме гордости
нам оставалось?
Да разве на наших огнях наша гордость ковалась?
Вздор! Даже и гордостью обзавелись мы — не сами,
А с помощью тех, кто желал посмеяться
над нами.

Ибо не раз посмеяться, резвясь, пытался
над нами
Филистер несообразный! Взиравший
на ваше искусство
Как на искательство ваше пред ним,
как на пляс перед ним
с бубенцами...

Надо же было попробовать все это сбить
и привести его
в чувство!
Право, нельзя же держать человека
так долго в тумане!..

И так как смирением (почему-то!) его мы ничуть
не проняли,
То отчего ж не испробовать гордость? Она-то,
должно быть,
как раз в его вкусе и плане?
Обратим же и вообще, наконец, внимание;
Гордость художника ведь не есть
гордость павлинья:
Она по другой
Линии.

Гордость художника — это всего лишь вечное
Противостояние
Вечному плуту,
Готовому всякую вещь перевертывать
С ног на голову всякую минуту!
Да. Вечное противостояние
Вечному плуту.

Плуту, как незадачливому,
так и преуспевающему,
К месту любого события, новшества или
открытия
С новым гвоздем для ошейника,
с новой
Дубинкой для муравейника
Поспевающему,
И новое масло услужливейше подливающему
В полымя всякой неразберихи, путаницы
великой,

И без того не имеющей где-то предела;
Плуту, святые умы простодушных людей
Растлевающему
И с великими злоупотреблениями

в деле благом
успевающему

Ранее

Самого дела.

И всякую проделку свою,
Как старую, так и новую,
Привыкшему патетически
сваливать
С больной головы на здоровую.

Плут выступать умеет по-своему
За игрока и за воина,
Но так же и за дитя шаловливое
Надо считать заодно его!
Дитя сиятельное,
Дитя обаятельное!..

Но несколько старообразные игры его —
это что ж? —
перевертыши
Добрых имен. Кровавые обознатушки.
Черные прятушки. Неутомимо обильные
Игры в кости могильные.
(Невыносименько лстящие умственной
нищете его!)

А там, где он воин? Ну, что там начертано
С гордостью на щите его?
Что на знамени у него намалевано?
Чтобы, — уж бедно ли, худо ли, —
Построился базис для удали?

Но — ах! — на щите начертать ему
Нечего.

На штандарте-то намалевать ему
Нечего.

Да и то сказать:

Ведь не напишешь на знамени,
Что в долг без отдачи заняли?!

Не писать же и на щите

О мирской тщете?!

Вот намалевать, разве... облако —

Чернильное — каракатицы,

Без самой каракатицы?

Или что-нибудь вообще, этак

Неопределенное?

Победительно-самоослепленное,

С автоматом и в розовом

платьице?

...Былому помочь бессильная,

Грозную память — зачем тревожу я?!

Не знаю почему, но так и вижу я

На «лице» у «Веселого Роджера»

Выражение дерзко-умильное;

Отраженье гнуснейшее рожи его,—

Повторенье в волнах флага черного,

Точно облако, адски-чернильное,

Растекающееся — каракатицы;

Воплощенье движенья попятного,

Рейда трусости, кровью запятнанного,—

Без утечки в веках утекающее

«Роджера» черное облако...

И только представить!

И всему этому,

Еще в заповедных преданьях,

Еще в колыбелях — отпетому,

Есть гордецы от Феба. Есть труженики чести.
Зачем мы не гордимся за них и с ними вместе?
Зачем не пробуждает всю нашу благодарность
Та гордость, от которой страдает лишь... бездарность?

Знай: мастера ни разу под корень не подточит
Та гордость, от которой другой работать бросит!
Совсем не угрожает художнику к тому же
Та гордость, от которой работа станет хуже.

Не путай вещи мира!
От мастера не жди ты
Той гордости, в которой паразитизм «элиты»!
Кто красотой гордится, кто негой, кто именем...
Да здравствует художник, гордящийся
Уменьем!

Сколь многие желают художникам конфуза!
Как мало привилегий им предлагает муза!
И все же,— велика ли, мала ль его награда,—
Художнику смиренность навязывать не надб.

Гармонией рожденный, причастный равновесью,
Он без подсказок ровен и незнаком со спесью;
Судьба от спеси вздорной его освобождает,
Но кто, как не судьба же, быть гордым побуждает?!

Зачем, филистер строгий, запутанности диво,
За скромностью поэтов ты смотришь так ревниво?
С чего твой пафос взялся? Ужель спасенье света
Не в доблести бесстрашной, а в... скромности поэта?!

Зачем тебе так нужно, чтоб мастер унижался?
В углу мышонком жался? Плохой овцой держался?
Чтоб сам свои созданыя он очернял для смеха?
И рабски похвалялся беспомощностью цеха?

Не изводи занудством художника! Он занят.
(Его твои манеры, а не сарказмы ранят!)
На кой твои сомненья в его делах и силах
Тому, кто сыт своими? Кто знал и победил их?!

Кто кротостью гордится, кто — хитростью напрасной,
Кто — наглостью бесстыдной (как дерзостью
прекрасной),
Кто ложью в гибель ближним (как ложью
во спасенье),
Кто злобностью (под видом всегда прямого
мненья!).

За творческое рвенье прощенья не просящий,
На крыльях вдохновенья прозренья приносящий,
Надежды не гасящий в сердцах — ни долей сотой,
Да здравствует художник, гордящийся
Работой!

...Явись, воспой, богиня, меж гордостями сходство!
К примеру, есть поэты речного судоходства,
Есть кровельщик-художник и музыкант комбайна...
За ними — гордость мира
И заповеди тайна.

7

Чтобы глядеть в бездну времени,
Надо иметь бездну времени!
Но, непрестанно спешащие,
Надолго мы не загадываем;
Сквозь пустыки мельтешащие
В бездны не часто заглядываем.
Только и успеваем
Вспомнить: мы все же художники!

(Видимо, настоящие,
Ибо не унываем.)

Мы в этом смысле почти что
Странствующие артисты;
Трогай же! Едем...
Сызнова всё.
Рушится всё — и — заново всё...
И только — знай — развеваются
Нашего балагана
Пестрые старые занавеси
В близости урагана...

И только и знай — печально поскрипывают
Какие-то деревяшки,
И то и знай — заунывно позвякивают
Какие-то там железки,—

Не то инвентарь, не то оживающие
на воздухе арабески —
Вещицы, коих мы в нашем хозяйстве —
клянусь!— и сами не знали,
В глаза не видали!
Покуда вихрь
Не выкатил их
Из луз, где они обитали.

Тогда-то и поняли мы, и заметили мы, что,
оказывается,

Бессознательно покровительствовали
Сотням и тысячам всяческих полувещей
И вещиц-полукровок, которые даже
Не к чему прислонить и негде поставить!
И, может быть, в опекательстве этом
Были мы как-то по-своему правы?
Хотя ведь
На этом
Свете не всяк согласится назвать
Завалиющую тень — предметом.

Визг бубенцов высок...
Песчинки в глаза вливаются,
Волы, то и знай, ложатся
и зарываются
Мордами в жгучий песок.
Обманывая ураган...

Плачущий голосок
Радости
Обрывается
Там, где вьюном завиваются
Вихри по берегам.

Даже спастись — времени нет,
А «время — чистое золото»,
И потому его у нас нет...
И тяжело волы встают;
Лбы у них грозно взъерошены,—
К ним роза ветров приколота!
Придуманные погонщики
Напев настоящий поют.

И сказку мою теснит уже
Роман, такой же упрямый,
И песня к моим героям
Слетает в конце концов...
...Индеец был самый зоркий,
Старик — справедливый самый,
Диего же из Сант-Яго
Способнее всех певцов!

«— Ах, как же это скверно, как худо,
Если разрывается сердце!
Обошел бы полсвета,
Только бы найти исцеленье!
От судьбы претерпел немало;

Ах, напасти ее так неожиданны!
Но когда я предвидел удары,
Мне все равно было больно...»

И дальше — песня, и дальше — о том,
какое
Горе, когда «скупые мужские»
Слезы — текут рекою!
И снова песня: «Куда уйду я, куда
уюду?
На свет Озер, Озер Великих
По дремлющему следу...»

...И в прошлом осталась повозка
Для движущихся мистерий.
Истерлась о звезды ракета,
Корабль погрузился на дно...
Но все еще дом у искателей счастья
Похож на фургон среди прерий,
И все еще нет нам в пути остановки,
А едем мы очень давно...

Лишь красная роза вращается
Между глазами воловьими;
То розой ветров покажется,
То розою на ветру...
В ее лепестках записана
История с предисловьями,
А если они осыплются,
То как я их соберу?
О, роза неуспокоенных,
Ветром благоухающая!
Песенный неотцветающий цвет,
Неупадающий плод;
Неистребимая роза ветров,

Единственная неувядающая,
Единственная, которую
Сам ветер не оборвет!

8

Казалось вначале:

Наверняка

Никто, кроме Кожаного Чулка

И высокомерных Скалистых Гор, очерченных жестко,
Не в силах влиять на пасмурного подростка.

Но мать? Но отец? Что ж,— совсем никогда
Влиять не умели на детства года?
А исключено ли влияние
Солнечного сияния?

Влияло на нас гипнотически

то,

Чего, кроме нас, не заметит никто.

(Ведь только впоследствии

В дивный

Вступила я в сон... коллективный

«Союза действительных»...)

По временам

Внушали, как есть, изумление нам

Домчавшейся песенки фразы...

Отца о минувшем рассказы...

Желтеющий дагерротип.

— Посмотри!

Мы были друзьями! Мы вместе росли,—

Он скажет мне, весело глянув.

— А кто это?

— Костя Суханов!

О Косте он мог толковать без конца!
Другой легендарный герой
Для отца —
Сибирцев (у знамени древка
Стоявший), был попросту Всевка!

О, в дальних полях, где растет гаолян,
Где поезд бежит, тишиной обуян,
Там тени героев витают!
Там сны моих снов обитают.

Но, шаг задержав на отроге крутом
Отрочества, думала я не о том;
Не сразу заметила даже, когда из-за взгорья
В лицо понеслись великанские тени Приморья!

Всё грезились рощи, где жил Робин Гуд,
Где тени дубов перед бурей бегут
Туда, где дорога тающими винтами
Взбирается к замку,

к разрушенной башне в тумане...

И вот, как назло, мне в руки ползло
Все то, что для детства сильнее при закате сверкало,
От стран Восходящего Солнца мощней отвлекало,
От родины предков на долгие дни увело.

А в дальних полях, где цветет гаолян,
Где поезд бежит, стариной обуян,
Там тени героев витали,
Там сны моих снов обитали...

Вей, ветер прародины!
Дай мне намек,
Что крайние точки сойдутся в душе постепенно,
Что преданность рыцарской сказке — совсем
не измена

Тебе, героический

Образы моря в памяти множил моей,
Песни напоминая многие кряду:
«Эгейские волны шумят...»,
«Йо-хо-хо!..», «Э-гей!»...

Фыркнет, бывало, углем,
Как рублем подарит,
Старое кружево вспенит — доподлинным
кораблем!..

Простой щиток-овал:
На серебристом железе
Выбит (о, как врезаются в память
Образы в детстве коротком!)
Кто-то... как женщина, если судить по одежде,
Но слишком суровый.

И венец!

Не только на лбу у него,
Но и всю окружность овала
Дуба и лавра листва оплела,
Словно зачаровала...

— Кто это, мама?

— Данте, поэт великий.

Да... А ведь он действительно был в аду!

И недоконченными с тех пор мне кажутся блики
Листьев чеканных, когда дубравой иду.
И с той поры
В суровых коры морщинах
Нравится видеть мне складки одежд его длинных,
А в окрыленном, свободном шуме дубравы
Нравится слышать мне отзвуки Дантовой славы.

И в дубовых листов ореоле
Я, как важных зачеркнутых строк,
Листьев лавра ищущу поневоле,
Будто дуб это — сразу! — венок.

...Едем!

Куда?— и уже непонятно мне...

Вещи, скользнув, пропадали в провале

Ночи, в черном окне.

Упало то... Покатилось это...

Изображение Данте, всплеснув, поглотила

Лета.

(Но тот, кто с копией низко проделал это,—

Неужто не знал,

Что вечен оригинал?!)

Ад о кругах семи

Пройден стопой семьи.

Но всходит восьмой — и уже непонятно мне...

В прорве ночной

В черном окне

Вещи, вспорхнув, исчезали,

Гасли на дне

Ночи и дали...

А выпархивали

Уже в той епархии они,

где люди живы,

где книги целы,

где нет печали!

И эта страна прекрасная —

Царство Воспоминания!

И охраняют ее, обходя ее с разных сторон,

Нетопырей распугивая блеском своих корон,

Важным кивком приветствуя каждое в ней

начинание,

Радужных эльфов почтенный король

Оберон

И королева Титания.

РЕМБРАНДТ

Он умер в Голландии, холодом моря повитой.
Оборванный бог, нищий гений.
Он умер
И дивную тайну унес нераскрытой.
Он был королем светотени.

Бессмертную кисть,
Точно жезл королевский, держал он
Над царством мечты негасимой
Той самой рукою,
Что старческой дрожью дрожала,
Когда подаянья просил он.

Закутанный в тряпки,
    бродил он окраиной смутной
У дворигов заиндевелых.
Ладонь исполина он лодочкой складывал утлой
И зябко подсчитывал мелочь.

Считал ли он то, сколько сам человечеству отдал?
Не столько ему подавали!
Король светотени —
Он все ж оставался голодным,
Когда королем его звали.
Когда же, отпетый отпетыми, низший из низших,
Упал он с последней ступени,
Его схоронили
    (с оглядкой!)
        на кладбище нищих.
Его — короля светотени!

...Пылится палитра.
Паук на рембрандтовской раме

в кругу паутины распластан.
На кладбище нищих
В старинном седом Амстердаме
лежит император контрастов.

С порывами ветра проносится иней печально,
Туманятся кровли и шпили...
Бьет море в плотины...
Не скоро откроется тайна,
Уснувшая в нищей могиле!

Но скоро в потемки
сквозь вычурный щит паутины
Весны дуновенье прорвется:
Какие для славы откроются миру картины
В лучах нидерландского солнца!

И юный художник,
взволнованный звонкой молвою,
И старый прославленный гений
На кладбище нищих
С поникшей придут головою
Почтить короля светотени.

А тень от него никогда не отступит.
Хоть часто
Он свет перемешивал с нею.
И мастер контраста — увь! — не увидит контраста
Меж смертью и славой своею.

Всемирная слава пылает над кладбищем нищих:
Там тень, но и солнце не там ли?
Но тише!

Он спит.

И на ощупь художники ищут
Ключи неразгаданной тайны.

К МУЗЕ КОМЕДИИ

Истинное остроумие куда ближе к
добродушию, чем мы склонны пред-
полагать.

Шеридан. «Школа злословия»

Кто смешным боится быть,
Кто в смешные положенья
Не стремится угодить,
Тот боится униженья.
Кто боится униженья,
Кто вкусил от поношенья,
Кто забит и напряжен,
Тот НЕ может быть смешон.

Тот же (храбрый!), кто беднягу не страшится
оскорбить,
Кто не даст ему и шагу без стеснения ступить,
Кто не в меру задается,
Кто над бедностью смеется,
Кто сердечности лишен,
Тот действительно
Смешон.

Не смешна мне ущемленность (если злоба ей чужда),
Мне смешна самовлюбленность, не имущая стыда.
Не смешны ведь ни калеки, ни шуты, ни горбуны;
Душечки-сверхчеловеки — вот кто подлинно смешны!

На подмостках театральных
Лица клоунов печальных
Известковой белизны —
Не смешны.
Торт, который в полмомента
Влеплен в «рыло» оппонента —
Мудро, тонко, ярко! Но
Не смешно.

Избиенье (хоть бы вора!),
Освистание актера,
Одураченный поэт,
Строчки выстраданной кража,
Книг ворованных продажа —
Остроумно? Ловко?
Нет.

Нет. Пока не проступили
В них такие же лгуны,
Не смешны мне простофили —
Мне мошенники смешны.

О Комедия святая!
Столь не часто к нам слетая,
Жалость, милость нам яви;
Путь закрой насмешке злобной,
Гогот изгони утробный,
Суть вещей восстанови!

С простодушием лукавым
Вещий толк верни забавам,
Слезы вызови из глаз,
О смешливая!
И снова
Острым чувством Несмешного
Наделяющая нас.

ПРЕМУДРАЯ МЫШЬ

Задумала мышь в кладовую сходить,—
Хорошего сала кусок ухватить!
Опасны такие дела,
И робость воровку взяла.

Но мышь сказала:

— Волков бояться — и в лес не гулять.
Волконского бояться — Лесковского
не знать.

Страшиться Волковицкого — не видеть
Лесовицкого.

И пошла мышь смело,
И украла, и съела.

Хозяйка заметила мыший разбой,
Пошла, принесла мышеловку с собой,
В ловушке оставила сало,
И мышь
В мышеловку
Попала.

Но мышь сказала:

— Что ж...

И на старуху бывает проруха.

И на старушку бывает этак прорушка.

И на старушеницу бывает прорушенция.

Старушенченко идет —

Прорушенченко ведет...

А к ночи Котенко в кладовку зашел,
В кладовку зашел — мышеловку нашел;
Мышенко хотел проглотить,
Но как мышеловку открыть?!
И мышь сказала:

— Ах! Не все коту Масленица!
Не токмо к Маслову Котову прогуливаться-стать!
Забудь, Котовиков, дорогу в Масленников Посад,
Да протопчи-тко тропку теперя да в Постникову
Пустынь!

По-моему, так никакому коту
Сломать мышеловку невмоготу!
И взял себе кот отпускного,
И вряд ли воротится снова...

Радуется мышь-воровка:

Спасает иногда, гляди, и мышеловка!

И мышь сказала:

— Нет худа без добра, что я сюда попала!

Нет Худякова,— говорит,— без Добрякова!

Не представляю,— говорит,— себе Худовецкого

Без неизбежного (выглядывающего из-за его плеча)

Добровецкого!

Худыня,— говорит,— без Добрыни — не человек.

ПУТЕШЕСТВЕННИК

Д. Быкову

Серый мышонок Тарасик
Продал свой белый матрасик,
Продал свой стол и комод
И устремился в поход.

В лодке из корочки дынной
Плыл он по речке пустынной,
Плыл, догоняя паром,
Греб лебединым пером.

Вдруг непогода завывала,
Стало не видно залива,
Дынная корка трещит,
Храбрый мышонок пищит:

«Все-таки теплая норка
Лучше, чем дынная корка...
Ох! Ай-ай-ай! Ой-ой-ой!
Я возвращаюсь домой!..»

Серый мышонок Тарасик
Выкупил белый матрасик,
Выкупил стол и комод,
Тихо и мирно живет.

Но вечерами Тарасик
Думает: «Если бы разик,
Если бы раз или два
Мне увидеть Острова!..»

Снова мышонок Тарасик
Продал свой белый матрасик,

Продад и стол и комод,
Стал догонять пароход...

Вновь непогода завыла,
Снова не видно залива,
Снова наш бедный герой
Стал возвращаться домой,

Снова упрямый Тарасик
Выкупил белый матрасик,
Выкупил стол и комод,
Хлебную корку грызет...

Но временами
Тарасик
Думает: «Только бы разик,
Только б разок или два
Мне
Увидать
Острова!..»

ПОНИ

И снова я в зоопарке.
Полдень высокий, жаркий,
Клеток
Тени рябые,
Аквариумы голубые.

В бубенчиках и в лентах
Пони бегут по кругу;
Девочек в тапочках летних
Пони везут по кругу,
Пони везут по кругу
Мальчиков разгоряченных
В желтых,
Зеленых
Телесных,
Пахнущих лаком тележках.

Белый
Пони промчался,
Пестрый
Пони промчался,
И золотистый пони
С белым пятном показался,—
Вот он, вот он, вот...
Мальчика пони везет,
Мальчик
Едет на пони,
Желтого пони
Бьет.

— Мальчик, не бей!— кричу я.—
Мальчик, не смей,— кричу я,
Мальчика, бьющего пони,
Остановить хочу я!

Но пони бегут по кругу
Дальше,
                                мимо,
                                вперед...
Мальчик заносит руку,
Желтого пони
Бьет.

Пони бегут по кругу,
Справа бегут налево...
В глазах моих — желтые, красные
Круги
От солнца и гнева...
Скройся из глаз, повозка
Злобного сорванца!
Но нет конца у круга,
Нет конца у кольца.

И снова — белый пони,
И снова — пестрый пони
И золотистый пони,
Которого мальчик бьет...

Думает он,
Что пони
Ненастоящие кони.
Но кто тут ненастоящий —
Когда-нибудь он поймет.

ПЕЙЗАЖ-ПОСЫЛКА

Ступлю на голое серебро,
Стану под каменное перо,—
Сразу в дыханье нехватка.

Лето
Лавочкой зеленой
Тихо захлопнулось
За спиной.

Инея
Передо мной
Реющая рогатка.

Красные гроздья рябины в снегу.

В снегу

Яблоко, гнущее ветку в дугу.

В снегу

Косы осоки на скользком лугу.

В снегу

Резкая зелень на каждом шагу.

В снегу

Забывтый,

В грядку забитый

Колышек алой морковки...

Жаляще-свежие нити касаются лба...

Этот пейзаж мне прислала японцев

хохочущая толпа

В тоненькой, прорванной в тысяче мест,

упаковке...

Веретеном прорывая

Снег,

На дороге

Свекла лежит кормовая.

Теплым пятном размывая
Снег,
Чернеется свая
Старенького моста...
Старое дерево сваи
Летним всегда остается.
И не при виде ли свайного
дерева —

Снег сдается?
Снег покидает захваченные места...
Солнце
С блистающе-плоским
Дном-сердцевинной
Снежный картон отправляет обратно
С почтой голубиной:
Шелковое письмо с тростниковым
наброском, —
В воздухе после него — сахаристые пятна.

КИНО

Когда выходишь из кино
    В мерцанье вечера сырое,
Лишь краем зренья замечая,
    Что землю снегом замело,
То существуешь за двоих:
    И за себя, и за героя.
Или совсем не существуешь:
    Ни за себя, ни за него.

Ознобом воздух напоен,
    Тоской по Куперу и Грину.
Приторможенными ручьями
    Бесшумного снегодождя...
Кинематограф, как сова,
    Тебе глядит упорно в спину,
Зеленолунными очами
    Над городами повода.

...Как тень жаровни по стене,
    Текли виденья в темном зале:
Был полон счастья и печали
    Старинной песенки напев,
Пока не гас на полотне,
    Перерождаясь в ропот устный,
Картины оборотень грустный,
    От превращений побледнев...

Нет! Место низости не тут!
Иллюзион — страна титанов!
Момент — и хоры великанов
Подхватят клич передовой...
Но и случайный в пятке зуд
Здесь облик обретает плотный.

И огонек встает болотный —
До колокольни головой!

...То не борцы-тяжеловесы,
То мыслей темные процессы!
Мне представляли в ходе пьесы
И страхи в латах Жанны д'Арк,
И низкой прозы интересы
В обличье сказочной принцессы...
Искусства дальние экспрессы,
Вы поворачивали в парк!

Угадывалось: близок час,
Как за Джульеттою Мазиной
Пойдут эскортом, цепью длинной
«Блаженных» новые сорта:
Придут бой-золушки, пай-жаннны...
Гибрид из бокса и нирваны.
Вся та святая простота,
Что не проносит мимо рта.

...Но зал, как донор-пеликан,
Питал детей своих фантазий;
Стоял, как лекарь, с банкой мазей
Для новых Золушкиных ран...
Устроить Золушку на бал
Толпой пытались персонажи...
А мне от Золушкиной сажки
Хотелось выстирать экран.

(В чем счастье зрителя? Молчать
При хохоте единодушном
Или хихикать одиноко
В молчанье зала гробовом?)
...Как жаль, что Золушка теперь,
Когда на бал бежать ей нужно,

Уж не проходит через стены,
А прошибает стены лбом!

Так, значит, снова — в добрый час?
Съедим горчайшей соли гору,
И выпьем Стикс,
И много сносим
Железом кованных сапог,
Пока простейшее пойдем:
Что, подготовленной к отпору,
Железной Золушке —
Не впору
Хрустальный башмачок!

А как растроган был экран,
Что не свята Святая Жанна
(Хотя придумал это сам)!
Она сгорала на костре,
А в промежутках, как на грех
(Что не в пример для Жанны странно!),
Держалась Жанна хуже всех.
А в лучшем случае — как все.

Она Руанов не брала,
Не колыхала знаменами,
Ан воевала — за себя!
Не поджигай, палач, постой:
Здесь просто нечему гореть.
И если молвить между нами,
Она согласна и с ханжами,
И с инквизицией «святой».

Ей, разорительнице гнезд,
Галчиных бедных гнезд семейных, —
Смешно доспехами греметь,
Мечом размахивать грешно!

...Об оклеветанных тенях,
О чувствах к ним благоговейных
Ты по-старинному грустишь,
Когда выходишь из кино.

Искусство ищет новых троп.
Искусство смешивает жанры.
Но, даже смешивая жанры,
Мешать понятия ни к чему.

...И неуклонно в эту ночь
Стучит мне в сердце пепел Жанны,
Стучит мне в сердце пепел Жанны,
И трудно сердцу моему.

РЕКА

Когда одна я,
Совсем одна,
И нет меня в мире одной;
И так высоко стоит луна,
Что земля темна и при ней;
И холодный ветер пахнет травой,
И веки смыкаются в полусне,—
Тогда
Является мне
На стене
Река
И челн теневой.

А в том челне старина Гек Финн
Стоит вполуоборот;
И садится он,
И ложится в челнок,
И плывет, закурив, плывет...
В лучах пароходов и городов,
На усах световых систем,
Один — одинешенек — одиноч,—
Становится точкой его челнок,—
Но не может исчезнуть —
Совсем...

И все
На попутных и встречных плотях
Остроты ему слышны,
И Гек прислушивается, привстав
(Они ему тоже смешны)...
Но один, один — до того один!
Да и я — до того одна!
И мысли наши легки, легки...
Ведь нет, Гек Финн, у твоей реки
Ни берегов, ни дна...

РЫЖАЯ ДЕВОЧКА

Рыжая девочка в синей матроске
Села на белые доски;
Хочется ей, чтобы море размыло
Этот сыпучий
Медленный спуск...

Скользкий да мокрый, как в мыльнице мыло,
В радужной ракушке дремлет моллюск.

Ил
Обнял сваю,
Я засыпаю
И засыпаю
Песком свои следы...
Снятся мне сны
Целебные:
Рощи великолепные,
Войлочные, волшебные
Пальмовые сады!

Что ж вы не признаетесь?
Вы надо мной смеетесь!
Я не прощу вам!
Не прощу!
Но солнце тоже смеется надо
Мною. Ну, значит, так и надо;
Если солнце смеяться
Перестанет —
Я загрущу.

...Юбочки клеш надевают медузы
И световые рейтузы
И уплывают на праздник свеченья,
Перед собой
Держа зеркала...

Сыплются, сыплются искры течения,
Синим огнем обгорает скала...

Что там?
Витрина
Или
Ветрило?
Ах,
Я забыла:
Где море, где земля...

Световыми рекламами
Рыбки по небу плавали,
Плавниками из пламени
Медленно
Шевеля...
Что ж вы не признаетесь?
Вы надо мной смеетесь!
Я ни за что вам
Не прошу!

Но солнце тоже смеется надо
Мною... Ну, значит, так и надо;
Если солнце смеяться
Перестанет —
Я загрущу.

СТАРИННЫЙ БРОДЯГА

В мороз и зной
в юдоли земной
Вижу я ночью свет без огня.
Свой дом и очаг
у каждого есть,
Но нет его у меня.
У птицы есть, у ящериц есть,
Есть у крота, у всех, кто живет,
И только меня на празднество дня
Никто не ждет, не зовет.

Проскачет всадник, следом другой,
Но я ничего у них не прошу,
Я только спою: «Дорога — мой дом»,—
И дальше

в путь
ухожу...

Люблю я солнца первый восход,
Люблю я погоду, если тиха,
Гнездо жаворонка в желтых полях,
Костер,
костер пастуха.

Люблю я даль с гуртами овец
И над очагами тающий дым,
Боярышника
багряный венец

И месяц ранний над ним.
В мороз и зной
в юдоли земной

Вижу я ночью свет без огня...
Очаг свой родной
у каждого есть,
Но нет его у меня.

ГАРМОНИЯ И ПИТЕР БРЕЙГЕЛЬ

...Уж лучше бы мне увязаться
Вослед за классическим Римом!
Не так-то легко и солидно
Брести по пятам уязвимым,
Ранимым,— за Брейгелем Старшим,
За Брейгелем неумолимым.

Прозренья его беспощадны,
Сужденья его непреложны,
Его дураки безупречны,
Его богомольцы безбожны,
Его отношения с вечной
Бессмертной гармонией — сложны.
Ступает гармония ровно,—
Нигде не сбивается с шага.
Один ее взор, безусловно,
Для нас наивысшее благо!
А плащ ее — ветер весенний
Для целого архипелага.

Верна, постоянна, урочна,
Как разум, душа и святыня.
Но жаль: не указано точно —
Где именно эта богиня
Слоняется?!
Лес?
Катакомбы?
Край пропасти?
Пустошь?
Пустыня?

Я карту дорог раскатаю,
Я путь ее — в шутку!— размечу,

А спросят: «Гармония — сказка?»
— Чистейшая правда!— отвечу.
Но я-то пока не питаю
Надежды на личную встречу.

Гармония!
В мире не мирном,
Скрипящем, наморщенном, сложном,
Готовом низвергнуться в бездну
При слове неосторожном,—
Дурак, ограниченный малый
Один гармоничен, пожалуй.

Гармония?
Сладко мечтая,
На древних руинах Эллады
Один восседал бы. Другие
Сидеть на сегодняшних рады,
В развалинах греясь привычно,
Вписав себя в них гармонично,
Публично
Крича от придуманной боли
В действительно трудной юдоли.

При мысли о душах несложных,
Разгадывать кои не надо,
К раскрытию коих
Подходят
Ключи от амбара и склада,
Всегда ли резонно — не знаю,
Но Брейгеля я вспоминаю.

При мысли о лицах недвижных
В тугом напряженье покоя
(На задней стене мыловарни
Всегда выраженье такое;

На камне, на дубе стропильном);
При мысли о клеяще-мыльном,
О твердоподошвенном взоре
Асфальтовых глаз примитива;
О пальце, картофельно-белом,
На кнопке вселенского взрыва;
О судьбах, скользящих по краю,—
Я Брейгеля вспоминаю.

При мысли о логике нищей,
О разуме задремавшем,
О стоптанном ухе, приникшем
К железным, чудовищным маршам,—
О Брейгеле я вспоминаю!—
О Питере Брейгеле Старшем.

ПУШКИН

К чему изобретать национальный гений?
Ведь Пушкин есть у нас: в нем сбылся русский дух.
Но образ родины он вывел не из двух
Несложных принципов и не из трех суждений;

Не из пяти берез, одетых в майский пух,
И не из тысяч громких заверений;
Весь мир — весь белый свет! — в кольцо его творений
Вместился целиком. И высказался вслух.

...Избушка и... Вольтер! Казак и... nereida
Лишь легкой створкой здесь разделены для вида;
Кого-чего тут нет!.. Свирель из тростника —

И выюг полнощных рев; средневековый патер,
Золотокудрый Феб, коллежский регистратор,
Экспромт из Бомарше и — песня ямщика.

ТРЮИЗМЫ

Все едино? Нет, не все едино:

Пламя, например, отнюдь не льдина.

Плут о благе ближних не радеть.

А насилие — не добродетель.

Все едино? Нет, не все едино:

Ум — не глупость. Край — не середина,

Столб фонарный веселей простого.

Пушкин одареннее Хвостова.

Все едино? Нет, не все едино:

Детский самокат не гильотина.

Есть Большой, есть Маленький, есть Средний

Человек. (И Средний — есть последний!)

Все едино? Нет, не все едино

(И «Майн кампф» — не шутка Насредина);

Малый да Большой — едины станут,

Среднего — и тросом не притянут!

Все едино? Нет, не все едино:

Волк не голубь. Жаба не сардина.

О единстве бухенвальдской печи

С Красотой — не может быть и речи.

Все едино? Нет, не все едино!

Нет, не все сжевать должна скотина;

Разобраться прежде должен гений

В некоторой разнице явлений.

Все едино? Нет, не все едино;

В рощах нет повторного листочка!

Потому что это «все едино»,

Значит — «все дозволено». И точка.

ЦВЕТОК БАГУЛЬНИКА

Цветок багульника лиловатый
В банке с водой
и с наклейкой «Томаты»
Напоминает мне о затоне
И о дожде на лесистом склоне.

И о древесных грибов резине...
О дубе с мокрой отставшей корою,
В дикой подснежниковой низине
Срезанном молнией шаровою.

Корни багульника с пузырьками.
У банки донышко — подзеркальник.
Вода зеленая, прутья буры,
Стекло волнисто — и вьет фигуры,

Напоминая в своих изломах
Улицы
Городов незнакомых
И тот, запрятанный между часами,
Час, когда песни приходят сами.

Час, когда летние сумерки чисты,
На мостовых нарисованы рожи,
А ноги зевак на мосту — волнисты,
На отраженья в реке похожи...

Зато и стройны́ и так прямы сами
Их тени в качающейся воде!

О, время между часами!
Час, не учтенный нигде,—

Как та, в старинном воздушном шаре,
Накачка воздуха про запас,

Как тот, седьмой, в часовом футляре,
Козленок, спрятавшийся от нас,
О, странный,
Нигде и никем не записанный
Час!

Когда, вздыхая душисто-влажно
И рупорами сложив ладони,
Дали тебя окликали протяжно
Через багульник в банке с водой!

Когда луна под мостом ночевала,
А ветер тщетно искал привала,
Когда натура воображенью,
Мечты сияющему внушенью
Повиноваться повелевала.

...Цветок багульника лиловатый
В банке с водой (и с наклейкой «Томаты»),
Ты сам не пахнешь,
но в аромате
Других растений — ты виноватый!

В часе, какой выпадал, неровен,
Не ты виновен!
Но ты замешан в цветенье смелом
Растений многих и мира — в целом!

Цветок багульника розоватый
На утре белом.

ВОЙНА ВОДЫ И ЛЕСА

Буйно-пребуйно росла бузина,
В росте веселом неслась без ума:
Ветер устами не мог продышать,
Месяц лучами не мог промешать.
    А под широкою той бузиной,
    В омуте, в холоде — жил Водяной,
    Жил-поживал, пузыри пожинал,
    Той бузины отраженья жевал.
А из-под камня тарашился рак,
Диву давался, выпрашивал так:
— Сладко ли, батюшка, воду-то грызть?
Эк ведь какая чижелая жисть!
    — Сладко не сладко,— ему Водяник,—
    Делать-то нечего, я и привык.
    Коли прикинуть да ежели взять,
    «Голод не тетка» и даже не зять.
Знамо, калиновы тени вкусней
Да и сытнее бузиновых теней,
Ан не беру я калину в расчет:
Вишь, загордилась — у нас не растет!
    Я и малину в расчет не беру:
    Не хороводится в нашем бору,
    Не отражается в царстве моем...
    Что отражается, то и жуем.
— Чем же ты думаешь хлеб оправдать?
— За год стараюсь поменьше съесть,
Дно подметаю протоке, служу,
На зиму впрок отраженья сушу.
    Али не веришь, опасливый рак,
    В кухню ко мне заходи, коли так!
    Видел и ты отраженья в воде,
    Только сушеных не видел нигде!
— Ты меня в гости зовешь, Водяной,
А угощаешь так тенью одной!

Что ж нам бузинные тени жевать?
Что ж... хочь живой бузины не нарвать?
— Ох, не сломить мне багряную гроздь:
Я на земле не хозяин, а гость,
Только в воде моя сила и власть,
Стыд Водяному — прибрежное красть!

Разве что в омут единожды в год
Ягода с ветки сама упадет?
Вот уж тогда я над ней — голова!
Так бы и съел ее! В день или в два...
Ан берегу я ее для гостей,
А и делю-то на сорок частей,
Ан затеваю той самой порой
Пир — не пригорком, а целой горой!—

...Так вот и жил Водяной, поживал,
Тихою тенью под тиной сновал,
Странничков тешил в полуденный зной.
Только пришел к Водяному
Лесной!

Леший прослышал (невнятно пока)
Про подкоряжную жизнь старика;
Слух до него докатился и гул
Про Водяного опасный разгул.

«А Подкоряжник-то дедушка — хват,
Сильно гораздый шутить невпопад!
Эк разгулялся в своем терему —
Ягоды на год хватает ему!..
Видно, у ягодки росту — верста!
Нет в моем царстве такого куста,
Чтоб наедаться по яголке в год...
Где Водяник таковые берет?..»

А и как начал Лесной хохотать,
С берега сучья-коряги метать,
Пни муравьиные в воду валить,
Ровно из пушек, из дупел палить,

Ровно из пушек, из дупел палить,
Пылью палить да трухою пылить,
Перьями перить да пухом пушить,
Ломом да сором протоку душить.

Старыми листьями пруд завалил,
Так завалил — ровно чай заварил:
Темной да бурюю стала волна,
Туча песчаная встала со дна!..

...Высохла речка, и омута нет.

А Подкоряжного — сгинул и след;

Видела белка: шагал с узелком...

(Спутала, видно, с простым стариком.)

Вместе с водою и сам как вода,

Встал и ушел неизвестно куда...

Только весной на деревьях опять

Мелкими каплями стал выступать,

Только туманами бродит в логу...

(Больше скажу — поневоле солгу!)

Только летает кулик молодой,—

Тонкие крылышки пахнут водой.

ГИПНОЗ

Шипели джунгли в бешеном расцвете
У вздутой крокодилами реки,
Где обезьянки прыгают, как дети,
А смотрят — как больные старички.
Одна из них так быстро проскакала —
Лишь рыжий росчерк в воздухе мелькнул;
Как будто кто-то скрытый
Горсть какао
Сухою стружкой с ветки сыпанул.
Змея с четырехгранной головою
Взглянула на нее из-под очков
И двинулась под сводчатой травой,
Как длинная процессия значков
И крапинок... Сведенные предельно,
Казалось, эти крапинки сперва
Ходили где-то — каждая отдельно,
Но их свела полковник-голова.
Змеинный взгляд, заряженный гипнозом,
Среди сорокаградусной жары
Дышал сорокаградусным морозом...
От ужаса вращались, как миры,
Плоды граната... Перезрелый манго,
Разболтанный и вязкий, точно магма,
С дрожащей ветки шлепнулся без чувств
При виде длинной судорожной твари,
Чей трепет, инкрустации и хруст
Все оковали, всех околдовали.
Но рыжая мартышка не проста:
Она умчалась вдаль, тревожно пискнув,
И чаша, листья вычурные стиснув,
Как руки, веки, зубы и уста,
За ней слилась...
Но что с мартышкой случилось?!
С пронзительными взвизгами

Назад,
Назад, назад запрыгала:
Казалось,
Ее, как пальцем, тронул чей-то взгляд.
Ни чьи глаза, казалось бы, со взглядом
Надолго разминуться не могли,
Но странный взгляд висел с мартышкой рядом,
А вот глаза — покоились вдали.

Глаза лежали на головке плоской,
Как на тахте. Из них тянулся взгляд,
Как дым из трубки, призрачный, но плотный,
И звал: «Назад, отступница, наза-ад!»
Сквозь легионы сутолочных веток
В слепом непроницаемом цвету,
Сквозь хрупкий хруст растительных розеток,
Сквозь плотную, как пепел, духоту,
Сквозь малярийно-желтые капли
Брызгучих трав, сквозь хищные цветы
Он плыл и плел веревочные трапы,
Незримые воздушные пути
Из нитей сна;
Аркил без аркана,
Капканил без капкана,
Без силков
Осиливал;
Дурманил без дурмана,
Оковывал заочно, без оков...
Сквозь обморочные благоуханья
Болот, где самый воздух, сам туман
В цвету;
Сквозь переплеты и петлянье
Качельно-перекидистых лиан
Он проникал
С каким-то древним, давним,
Безбольным, безглагольным, безударным

И беспощадным выраженьем
(Жест
Неумолимых глиняных божеств).

И вдруг...
В листе забил воздушный ключ.
И попугай, чей клюв был ярко вдавлен
В цветную грудь, как пламенный сургуч,
А крылья глянцевитые осклизли
Зеленым блеском бронзовых зеркал,—
Вокруг сучка перевернулся трижды
И так забился, так заскрежетал,
Как будто брал недавно в общей кухне
Уроки лязга у семи котлов;
Зашаркал горлом, как ночную туфлей,
Раскашлялся, как будто нездоров,
А сам спокойно и невозмутимо
Сухим глазком смотрел куда-то мимо,
Как симулянт при виде докторов.
И как бы ненароком, невзначай,
Перед мартышкой, скачущей по веткам,
Как десять флагов, пущенных по ветру,
Как пьяный факел, вспыхнул попугай.
Дивясь его цветастому смятенью,
На ветке обезьянка замерла,
И личико, изъеденное тенью
Затейливых растений, поднесла
К лучу, как ложку к супу...
Свет закапал
Сквозь листья ей в глаза,
Проник за капор
Линялой шерсти...
Сделалось светло:
Разбилось наважденье, как стекло!

Но как неясный крест оконной рамы
Стоит в глазах, уже смеженных сном,
Когда ложишься спать перед окном,
Так взор змеи, упругий и упрямый,
Еще с минуту в воздухе висел,
С минуту терпеливо ждал кого-то
И наконец, как призрак переплета
Оконной рамы, вылинял, осел,
Сломался по частям, пропал совсем.
И вот, то сокращаясь, то вздуваясь,
Переливаясь,
Как железный дым,
И все-таки над кем-то издеваясь
Самим существованием своим,
Прохлестывая туловищем травы,
Ушла змея...
А попугай вослед
Орал ей что-то вроде: «Твар-ри! Твар-ри!
А крыльев нет! Ур-ра! А крыльев нет!..»

ДОМА БЕЗ КРЫШ

(Украина)

Летняя ночь была
Теплая, как зола...
Так,
Незаметным шагом,
До окраин я дошла.
Эти окраины
Были оправлены
Вышками вырезными,
Кружевными
Кранами.

Облики облаков,
Отблески облаков
Плавали сквозь каркасы
Недостроенных домов.
Эти дома без крыш
В белой ночной дали
В пустошь меня звали,
В грязь и глину завели.

На пустыре ночном
Светлый железный лом,
Медленно остывая,
Обдавал дневным теплом.
А эти дома без крыш
В душной ночной дали
Что-то такое знали,
Что и молвить не могли.

Из-за угла, как вор,
Вынырнул бледный двор:

Там на ветру волшебном
Танцевал бумажный сор.
А эти дома без крыш
Словно куда-то шли,
Шли —
Плыли,
Как будто были
Не дома, а корабли.

Встретилась мне в пути
Между цементных волн
Кадка с какой-то краской,
Точно в теплом море — челн.
Палка-мешалка в ней,
Словно в челне весло...
От кораблей кирпичных
Кадку-лодку отнесло.

Было волшебно все:
Даже бумажный сор,
Даже мешалку-палку
Вспоминаю до сих пор.
И эти дома без крыш,
Светлые без огня;
Эту печаль и радость,
Эту ночь с улыбкой дня.

ПЕСНЬ О «ЛЕТУЧЕМ ГОЛЛАНДЦЕ»

В прибрежных лугах и полях,
В синеющих сумерках летних
Лежит деревушка — в последних
Слипающихся огнях.

Там дети отходят ко сну.
В то время, как бриг над пучиной
Летит, словно демон холстинный,
Крылом осекает волну...

Уже в деревушке темно.
Но, слабнувшим отблескам вторя,
В ней теплятся лужицы моря
(В залог, что вернется оно).

А бриг повернулся
и вдруг
За шхуной рыбацкeй погнался...
И крен — трепет нового галса —
Его искажил, как недуг.

За свалкой, где дети играли,
Песок бело-розов, как днем,
Но лужицы серой эмали
Горят демонически в нем.

А бриг удержался едва...
Сейчас его снова подбросит...
А ветер все шумы относит,
Лишь странной команды слова

В отдельной звучат тишине...
Мрак ночи порывист и душен.
Уж буря валит из отдушин
И люков, невидимых мне...

Когда и откуда поднялся
Тот ветер? От корня волос?

От этого ль нового галса?
Нет! Судно не ветер принес,

А самое судно
Давно
Несло в себе ветер да бурю!
Недаром,
Лишь брови нахмурю,—
И в море возникнет оно.

БРАТЬЯ КАПИТАНЫ

В закатных тучах красные прорывы.
Большая чайка, плаваний сестра,
Из красных волн выхватывает рыбу,
Как головню из красного костра.
Двумя клинками сшиблись два течения,—
Пустился в пляску ящик от сигар,
И, как король в пурпурном обличенье,
При свете топки красен кочегар.

Мы капитаны, братья капитаны,
Мы в океан дорогу протоптали,
Мы дерзким килем море пропороли
И пропололи от подводных трав.
Но кораблям, что следуют за нами,
Придется драться с теми же волнами
И скрежетать от той же самой боли,
О те же скалы ребра ободрав.

На что, на что смышлен веселый лоцман,—
Но даже он стирает пот со лба:
Какую глубь еще покажет лот нам?
Какую даль — подзорная труба?
Суровый юнга хмурится тревожно
И апельсин от грубой кожуры
Освобождает так же осторожно,
Как револьвер от грубой кобуры.

Мы капитаны, братья капитаны,
Мы в океан дорогу протоптали,
Но корабли, что следуют за нами,
Не встретят в море нашего следа;
Нам не пристали место или дата;
Мы просто были где-то и когда-то.
Но если мы от цели отступали,—
Мы не были нигде и никогда.

МАЯК

Я истинного, иссиня-седого
Не испытала моря. Не пришлось.
Мне только самый край его подола
Концами пальцев тронуть довелось.
Но с маяком холодновато-грустным
Я как прямой преемственник морей
Беседую. Да, да, я говорю с ним
От имени спасенных кораблей!
Спасибо, друг, что бурными ночами
Стоишь один, с испариной на лбу,
И, как локтями, крепкими лучами
Расталкиваешь темень, как толпу.
За то, что в час, когда приносит море
К твоим ногам случайные дары —
То рыбку в блеске мокрой мишуры,
То водоросли с длинной бахромою,
То рыжий от воды матросский нож,
То целый город раковин порожних,
Волнисто нежных, точно крем пирожных,
То панцирь краба,— ты их не берешь.
Напрасно кто-то, с мыслью воровскою
Петляющий по берегу в ночи,
Хотел бы твой огонь, как рот рукою,
Зажать и крикнуть: «Хватит! Замолчи!»
Ты говоришь. Огнем. Настолько внятно,
Что в мокрой тьме, в прерывистой дали,
Увидят
И услышат
И превратно
Тебя не истолкуют корабли.

ЗВЕЗДА

Летний вечер тихо настает:
Верещат кузнечики в тиши,
Соловей за рощею поет,
При луне чернеют камыши,

И, бросая тени в глубину,
Закрывают облака луну.
И моя вечерняя звезда
В облаках сверкает иногда.

Я люблю вечернюю звезду;
Я ее всегда так долго жду!
Я к закату солнце тороплю,—
До того я звездочку люблю.

Пусть она грустна и далека,
Пусть ее скрывают облака,—
Верю, знаю: свет ее сейчас
Далеко уплыл,— но не угас.

И зимой, когда вокруг темно
(Вьюга в поле, буря ли в лесах),
Где-то есть, я знаю, все равно
Верный свет, как сторож на часах.

В дымке скрыта,
В тучах не видна,
Неприметна и при свете дней,—
Все равно я знаю:
Мне дана
Ясная звезда судьбы моей.

СОДЕРЖАНИЕ

Космонавт. (Памяти Юрия Алексеевича Гагарина) . . .	7
«В тиши весенней...»	8
Девушка из харчевни	10
Подвиг птиц	12
Душистый Горошек	14
Гимн перцу	16
Россия	18
Сон	20
Нерасторжимый круг	23
Дождя так и не было...	24
Цыганка	26
Кружатся листья...	28
Бездомный домовый	30
«Дерево, и камень, и железо...»	32
Какой большой ветер!	34
«Не серая стая сов...»	36
Ласточкина школа	38
Фокусник	41
Хиппиоты	42
Король пепла	46
Поэты	48
Элегия	50
Две березы	51
Лето	53
Ах, как долго едем...	54
Греция	55
Улыбка дельфина	58
Корабельный рай. (<i>Сказка</i>)	59
Выселение из вселенной. (<i>Поэма</i>)	61
Тайна нравов	66
Человек	68
В ночь на 14 сентября 1959 года	70
Наш герб	71

Сороковые годы	72
Госпиталь	75
Береза	77
Водосточные трубы	79
«То не дорога, не шлях...»	81
Змеелов	83
Песнь о далекой дали	85
«Кто вас приводит...»	86
Вещи в доме. (Поэма)	87
Рембрандт	117
К музе Комедии	119
Премудраямышь	121
Путешественник	123
Пони	125
Пейзаж-посылка	127
Кино	129
Река	133
Рыжая девочка	134
Старинный бродяга	136
Гармония и Питер Брейгель	137
Пушкин	140
Трюизмы	141
Цветок багульника	142
Война воды и леса	144
Гипноз	147
Дома без крыш	151
Песнь о «Летучем голландце»	153
Братья капитаны	155
Маяк	156
Звезда	157

Новелла Николаевна Матвеева

НЕРАСТОРЖИМЫЙ КРУГ

Редактор **А. А. Целищев**
Художественный редактор **Н. Д. Викторова**
Технический редактор **И. И. Павлова**
Корректор **М. Е. Апарцева**

ИБ № 5787

Сдано в набор 18.12.89. Подп. в печать 18.12.90.
Формат 70×100¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура
литературная. Печать офсетная. Усл. п. л. 6,50.
Усл. кр.-отт. 6,66. Уч.-изд. л. 6,09. Тираж 10.000 экз.
Заказ № 425. Цена 70 к. Изд. инд. ЛХП-140.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия»
Министерства печати и массовой информации РСФСР.
103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и массовой
информации РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской
области, ул. Тевосяна, 25.

70 к.

• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •